

I865783

ПОЭТИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ
РОССИЯ

МОСКВА
1978

С. ОРЛОВ

Стихотворения

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ОТ РЕДАКТОРА

Эту книгу избранных стихотворений подготовил для нашей поэтической серии Сергей Сергеевич Орлов. Он отобрал стихи, определил их порядок, слово к читателю, фотографию для гравюры. Такой хотел поэт видеть свою книгу. Но успел увидеть лишь корректуру. Он вычитал ее, внес необходимые поправки. Эта корректура стала свидетельством последней прижизненной воли автора: на 57-м году жизни Сергей Сергеевич Орлов внезапно умер от сердечного приступа.

О $\frac{70402-191}{M-105(03)78}$ 129—78

© Издательство «Советская Россия», 1978 г.

Я родился в 1921 году в селе Мегра Белозерского района Вологодской области в семье сельских учителей. Отца своего не помню, он умер в 1924 году. Люди, знавшие его, рассказывают, что он был строгий учитель, добрый и веселый человек, уважаемый сельчанами. Я рано начал ходить в школу, точнее сказать — на уроки в класс, так как мы жили в здании школы, где учительствовала мать.

В 1930 году семья наша уехала в Сибирь: отчим был послан партией на строительство колхозов. За красный галстук в те годы влетало от кулацких сынков, но я носил его с гордостью, как мои друзья-пионеры. В 1933 году мать с братишкой и сестренкой вернулись на родину, а я остался жить с отчимом в Новосибирске: он был направлен на учебу в институт. Широкая Обь, первые многоэтажные дома пятилетки. Потом я вернулся на родину и много рассказывал приятелям о Сибири, степях и железной дороге. Учитель физики, молодой ленинградец Василий Платонович Нилов, рассказами о книгах и звездах зажег любовь к литературе и изобразительству. Попробовал сочинять стихи и строить модели самолетов и ракеты.

Среднюю школу я окончил в 1940 году в Белозерске, старинном городке с крепостным валом и множеством древних церквей. Тихие дома, деревянные мостки, скрипучие калитки, буйные черемухи и зовущие гудки пароходов. На пароходе я и уехал учиться в Петрозаводский университет с твердым желанием писать стихи, печататься. Мое стихотворение «Тыква», написанное в шестнадцать лет, похвалил в статье о творчестве детей в газете ЦО «Правда» Корней Иванович Чуковский.

*В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.*

*Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.*

*Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.*

Когда началась война, мы, студенты университета, вступили в истребительный батальон, из него я был призван в армию. Военком, выслушав мой рассказ о положении на том участке фронта, на котором мы были, «по знакомству» предложил на выбор два рода войск — танки и авиацию. Я стал танкистом. В армии был рядовым, сержантом, курсантом училища, лейтенантом, гвардии старшим лейтенантом.

Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах в танке: воевать приходилось не только с немцами, но и с болотом. Танкисты не любили громких слов и верили в будничные высокие ценности: дружбу, товарищество, долг. В 1944 году меня, обожженного, принесли на носилках товарищи в медсанбат. Из госпиталя я был демобилизован по инвалидности.

Я люблю рыбную ловлю. День Победы встретил на Белом озере, в устье реки Ковжи, на рыбалке. Ни одна травинка не колыхалась, река и озеро сливались с чистым небом — так было тихо. Вместе с встающим солнцем из озера пришла лодка. По воде далеко слышно, и до нас долетел приглушенный дально крик с лодки: «Эй, что вы сидите! Кончилась война!» Мы глянули на огромное солнце за лодкой, не смежая век, и заплакали, не потому, что на солнце нельзя смотреть без слез.

В 1946 году вышла первая книга стихотворений «Третья скорость», с тех пор у меня вышло более тридцати книг стихотворений, книга статей о поэзии и сценарий кинофильма «Жаворонок», написанный совместно с Михаилом Дудиным. В 1974 году за книгу «Верность» я получил Государственную премию РСФСР им. М. Горького.

В 1975 году мы отпраздновали тридцатилетие нашей Победы. Все мы обязаны тем, кто не вернулся с войны, счастьем жить, свободно мыслить, радоваться и грустить, делать любимое дело в жизни. Памяти их посвящены многие мои стихи. Лучшие страницы книг моих товарищей — поэтов фронтового поколения я бы сравнил с языками пламени Вечного огня, который зажжен по стране над могилами павших солдат. Поэтический пламень так же чист и горяч и светит все живым памятно о павших.

Сергей Орлов

1938—1940

— * —

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется—кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде.
Стою с ведром, смотрю вокруг,
Как зелень дружно всходит.
Вдали, поднявшись словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко-красный мак
С горошком светлым рядом.
Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром.
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.
Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик.
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.
Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер.
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

* * *

Как на родине? Осень,
В скирдах рожь на полях,
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор,
Зная алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость:
До чего же похожи
На багряную гроздь.

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,

По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом доме,
Запутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

Под-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора...
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальные платки...
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег-пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
«К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...
И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому...

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш,—
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!»

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра...
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему.
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому—
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути...
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла...

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

Матери, Екатерине Яковлевне

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаще рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, зная,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажу на вершок,

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь цигарку,
По очереди дым тянуть.
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...
Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогревели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

ЭТО БЫЛО 19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился мокрый
На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.
А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина,—
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.
На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву..
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.
Нас все же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она,
Пока мы не припомним: бывает
Перед грозой такая тишина...

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кошунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды,
И «мессершмитт» пронзительно гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

* * *

Ходят тучи сизые до злости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки тонкие в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать,—
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

* * *

Ночь бела, закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.
Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.
Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года
На какой он засияет стали?..

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили,—
В приметы верят люди на войне,—
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
«Какая все же глупая примета»,—
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

* * *

Жил на свете, не скучал
В офицерском звании,
Пулю дуру повстречал
Родом из Германии.
Покачнулся белый свет —
Ничего на свете нет...

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.
О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.
Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих...

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

* * *

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.
Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.
Вырастут на свете люди,
Что еще не родились,
Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

* * *

Потомок наш о нас еще вспоманет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начинали
И посылали предки на врагов,

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну».

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЯНКОЙ

А мы в землянке обжились
И называем нашим домом,
Как будто в ней живем всю жизнь
И жизнь иная незнакома,
Как будто нары в два ряда,
Скрипучий стол — стоят от века,
И не придумать никогда
Жилья иного человеку.
А нынче мы бросаем дом...
Чтоб масло разогреть и воду,
В костре столы и нары жжем,
Машины на ветру заводим.
Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали,
Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе..,

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать — новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.

Громящая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата,
Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзоль земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзоль...

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.
Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:
С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстояньем,
Где дым и пыль в лицо.
И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.
Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

Матери, Екатерине Яковлевне

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел —
Несмотря ни на что, уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом..

Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

* * *

У той березки, где с тобой
Встречались мы вечер каждый,
Пробитое насквозь стрелой
Я сердце вырезал однажды.

Мы говорили, на заре
Прощаясь, перепутав руки:
«Сотрется сердце на коре,
Но не стереть любовь разлуке».

Смешная юность далека...
Ты замужем, и ты забыла
Веснушчатого паренька,
Которого тогда любила.

А я пришел сюда и вот
Гляжу, один в саду просторном,
Как сердце на коре живет...
И лишь стрела на сердце стерлась...

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

ПОЕЗД

Простучит по рельсам поезд,
Пронесется эшелон,
В золотых лесах по пояс,
Фонарем мигнет вагон.

Станет вдруг легко и грустно,
Вдаль потянет, позовет...
Кто-то там на полке узкой
Полустанкам счет ведет,

Смотрит в окна долгим взором,
И, повсюду начеку,
Поднимают семафоры
Руки разом к козырьку.

Из Берлина иль из Праги
Едет он к родным местам,
И рябины, словно флаги,
Пламенеют по лесам.

* * *

Всю Вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видал Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии,
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей Вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Вашках
К пристани выходит, ожидая,—
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра —
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату.

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережье,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут,—

Повесят молча в тишине
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы.
Вдали догорали «пантеры»..
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

* * *

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы всё сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

* * *

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не видавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

2

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.

Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

* * *

Жить от атаки до атаки.
Мечтать о письмах и тепле
И не отдать огонь бивака
За все удобства на земле.

Мы знаем хлеба с солью цену
И сладость из ручья воды.
Что перед ними всей Вселенной
И яства и садов плоды!

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До неба тростинкой дотянуться,
Прикурить цигарку от звезды,

Услыхать травы произрастанье,
Трепет полночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты —
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что — самый лучший,
А милей всех сердцу край!

* * *

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу,
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна,
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц опять в печи горят
На звонких на березовых поленьях,

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо, словно парус, в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою как снег
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна.
Мы в полночь непробудную плывем.
По снежным безудержным океанам.

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Л. П.

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны.
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

БАКЕНЩИК

Река разливается быстрая,
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.
И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным;
И пусть туманный путь далек,
Пусть мели есть в реке опасные,—
Доставить нужно грузы в срок...
Горит, горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...
А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.
Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.
И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.
А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек.
Весь почернел от копоти и сажки,
В каком году он начинал свой век —
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль.
Сама тоска железа по работе.

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

* * *

Болотный вереск на крови цветет
Не по преданью, а на самом деле.
Я не забуду сорок третий год,
Когда от крови здесь снега кипели.
Ползли полки под пули в рев пурги
Колющее железо прогрызая.
От Черной речки до пустынной Мги
За пядь земли болотной умирая.
Одной ценой платили мы в бою
За ржавый мох и за сады Тавриды.
Мы не делили родину свою,
Чтоб не было на нас у ней обиды.
Ты, вереском поросшая земля,
Не дешево платила здесь пехота
За глинистые рыжие поля
И торфяные черные болота.

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

* * *

Как стога, стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь алела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайперà за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил наутро полк.
Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ —
Вытянулся, строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел;
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.

Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочат,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле.

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо,

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным,—
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
«Если поле перейду,
Будет жизнь прожить нетрудно...»

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронейным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из ДТ
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно...
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука — к щитку стартера.
Давай колонну выводи, комбат!
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой!

* * *

А мне, пожалуй, ничего не надо,
Лишь строй берез серебряных в снегу
Да леса сине-белую громаду,—
Клянусь, что так. И я, друзья, не лгу.

А что еще? Да жить на белом свете,
Быть может, до шестидесяти лет.
А что еще? Могу друзьям ответить —
Весь, до былинки, этот белый свет.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый.
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья.
Плещет пламенем у виска.
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел,— она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна,—

Бас, упрямый, тяжелый, низкий.
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры.
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрузили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то чтобы нелюдимы.
Одиноки в стране лесной.

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы,—
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

СУСЛИК

Рыжий суслик с круглыми глазами
В степь ныряет и исчез, как дым,
Лишь когда взорвется тормозами
Черная дорога перед ним.
Что-то с миром вдруг стряслось такое —
Суслику степному не понять,
Навсегда лишился он покоя —
Трудно рядом с громом проживать.
Выпачкана шубка солидолом,
Бегают — ни отдыха, ни сна,
Тощий, запыленный, невеселый,
В поисках засушного зерна.
Даже овсюга в степи не стало,
Выгорел и вытоптан овсюг.
По степи грохочут самосвалы,
В небе птицы тянутся на юг.
В свете электрическом за Волгой,
У скрещенья множества дорог,
Вот и встал он, теплый рыжий столбик,
Продувая маленький свисток.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птаха присела на куст
И упругая ветка под нею колышется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет,—
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колышутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист.

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...»
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят,
Смертельною пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,—
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе,
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой;
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели — товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взревели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпреи
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаки лично вел меня.

Приснилось мне жаркое лето,
 Хлеба в человеческий рост
 И я — восемнадцатилетний —
 В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
 Без шрамов военной поры,
 Еще не видавший пожаров,
 Еще не ходивший в прорыв
 На танке гвардейской бригады
 По дымному тракту боев,
 Еще не писавший в тетради
 Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
 Я глянул с улыбкой, а там
 Парнишка с доверчивым взором
 Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
 Ничуть не тревожась о том,
 Что девушка в садике школьном
 Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
 Шагал, тишины не цenia,
 Не слушая песенку птицы,
 Что встала у солнца звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,—
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой,
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете,—
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки,—
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть,
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.
С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.
С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле;
Услыхав ее, баяны ахали
Даже в самом песенном селе.
А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.
Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.
Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг, душа-краса
И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам;

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают,
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется,—
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

* * *

Свет звезд идет к Земле годами.
В ночь настужь распахни окно —
И, может, вспыхнет пред глазами
Звезда, рожденная давно.

Темны, глухи вселенной тропы,
А под окном трава звенит,
Стеклом и сталью телескопов
Прощупывается зенит.

Встают в стекле столбы стихии,
Отбушевавшие давно,
Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Стремительно и дерзновенно,
Под стать, быть может, лишь мечте,
Свет движется во всей вселенной,
Живой, в межзвездной темноте.

Так за морями, за горами,
Над азиатскою тоской,
В крови и пепле, во Вьетнаме
Уже воспрянул род людской.

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год —
Над Петропавловкой ракетой
Фонарь взлетает в небосвод.

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горяг костры, блестят штыки,
Буденновские колесницы
Багровый ветер рвут в куски.

Метет метелица стальная.
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Папахи, бурки и коней.

Там жив Чапаев над Уралом,
Там у походного костра
О нас мечтают запевалы,
Не засыпая до утра.

А от Земли в лавине света
К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду кремлевскую Земли.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТа, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка-Москва,
Пока еще булыжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной...

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет,—
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул,—
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

Жизнь, по пословице, не поле,
А были позади поля,
Где столько грома, крови, боли
И на дыбы встает земля.

Но снова, будто не бывало
Их, равных жизни, на пути,
Мы повторяем все сначала,
Что жить — не поле перейти...

Здесь нет ячеек пулеметных,
Не рвутся мины на пути,
Но там хоть был устав пехотный,
А здесь не знаешь, как идти..

РОДИНА

Россия — Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русых,
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России.

Но небу одному равна
Над головой своей по шири,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с нозою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней червлёной сины
Огонь рябин и снег берёз,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

Я повстречался с ним в Париже —
В Париже с русским, с земляком,
С потрепанным, притихшим рыжим
Моим врагом — к лицу лицом.

Его случайно не добили
В котле в Курляндии еще.
На пляс Пигаль из водной пыли
Он вынырнул, блестя плащом.

Он появился вдруг, как будто
Из тьмы и праха плотью стал,
Едва по брюкам пресловутым
И папиросам нас узнал.

Щербатый рот в улыбке ширя,
Он злость смирил не без труда:
«Ну, как у нас, в свободном мире,
Вам приглянулось, господа?»

Ну что ж, мы были господами
Пред ним, а он и здесь чужим,
Париж дружил не с ним, а с нами,
И мы заговорили с ним.

«Валяй,— беззлобно мы сказали,—
Выкладывай, чем ты богат!»
За нами города вставали —
Москва вставала, Ленинград...

России зори на полсвета,
Ее и завтра и вчера.
За ним — лишь, глядя на ночь, где-то
За тридцать франков конура.

Мела на пляс Пигаль свобода
Нейлоном юбок камень плит...
Нет, он не лез без брода в воду
И был отнюдь не лыком шит.

Огней кричащую рекламу
Он не призвал на помощь в спор,
А, так сказать, с высот Нотр-Дама
Вести пытался разговор.

Он взывал: «У вас с искусством плохо,
Зашла поэзия в тупик,
Я за Есенина, за Блока,
За их божественный язык!..»

Слова выплевывая люто,
Спешил он, словно встрече рад,
И я услышал в ту минуту,
Как бьет немецкий автомат.

В Курляндии, в сорок четвертом,
Он бьет, страшась сдаваться в плен,
К стене припертый, в злобе мертвой...
Но здесь Париж шумел у стен.

И мы сказали: «Что ж, неплохо,
Твоя хула для нас — хвала.
Но ты Есенина и Блока
Не тронь, а то сгоришь дотла».

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад.
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Идет поэзии пехота,
В пыли и глине горяча,
Но если хвалит враг кого-то,
Я не спешу рубить плеча
И утверждать, что это плохо.

Я помню, выверяя шаг,
Как за Есенина, за Блока
В Париже мой хватался враг!..

* * *

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришел до темноты,

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо.

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели,—
Был полон белый свет простых чудес...

Над пирогами и борщом,
Над студнем и вином
Вдруг повела гармонь плечом,
Плеснула вдруг огнем.

И замерла беседа вдруг —
Кто в лес, кто по дрова...
И стало слышно, как вокруг
Шумит, звенит трава.

И спор как сор, и хмель долой,
И в сторону вино.
И лозунг тот — хоть час, да мой —
Сосед забыл давно.

И не хозяин под хмельком,
Уже тяжел и сед.
А песня правит за столом,
И жен уж рядом нет.

Есть снова рядом старшина
И дальняя страна,
В которой будет тишина
И кончится война.
В зеленом, мирном городке
Замолкли земляки...
А в песне — дальнем далеке —
Идут, идут полки...

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьи́м выкладкам бесспорным
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой,
Как в гимне партии поется —
Ни бог, ни царь и не герой,—

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том.
Но только в сорок пятом в мае
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

На Большом Гнездиновском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая
Одинокaя женщина
Двадцати восьми лет.

У нее есть друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допоздна.
У нее есть поклонники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины
Из будильника на пол,
И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновенье ладошками,
Словно девочка,
Женщина смотрит на свет.

Тесных туфелек стук,
У кровати поставленных,

Открывает дорогу
Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена,
Выпит чай,
Сунут в сумку с собой бутерброд.

Ах, как много их —
В туфельках дробных, начищенных —
С банным ветром
Выносит метро поутру
На Тверском, на Арбате,
На Пресне!.. И сыщешь ли
Ту, что тоже спешит
На студенном ветру?..

* * *

Голос первой любви моей — поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть
И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу, тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшениным теплым ароматом...
Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Всё о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Тени жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком.
Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем...
Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собрания —
Их посещала родина сама,
Их окружали стывшие в молчанье
Пятидесятитонные грома...
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, сигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.
Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Под луною в некотором царстве,
Царстве стали, пара и огня,
Расставанья, встречи и мытарства,
Грусть и радость были у меня.

В нем живет от края и до края
На своих мешках и сундучках,
Неудобства свято презирая,
В неуютных мраморных дворцах,

На полах паркетных, полированных,
У дубовых тронов и ворот,—
Демобилизованный, вербованный
И командированный народ.

В нем поет за тридевятью далью,
Где-то у бревенчатой стены,
Тихая гармоника с печалью,
Завезенной с дальней стороны,

И, как в бабье лето паутинка,
Под гору к петляющей реке
От моста чугунного тропинка
В нем летит и тает в ивняке.

Было так, что сталь в узлы вязала
Бомбовая сила в том раю,
Уходили города к Уралу,
Кровью омывая колесо.

И казалось, в некотором царстве —
Нет уже защиты от судеб,
Но на эшелонах бога Марса
Было писано: «Годны под хлеб»...

От небес железных и стеклянных,
Башен, транспарантов и платков
До сторожек грустных деревянных,
В пятнах солнца, брызгах васильков

Вновь звезда зеленая не гаснет,
И поет, как иволга, рожок,
Люди, продолжая верить в счастье,
Пьют крутой бесплатный кипяток.

День и ночь сменяются без устали —
В тучах света, в ливнях и в пыли...
И летит, летит дорога узкая —
Две стальные нитки вдоль земли.

* * *

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца,—
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду.

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР.
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудовня,
А солнце в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать-Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина: ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях,—
Мне пусты показались сочиненья
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звения, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда.

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звения ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком,—

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодейством пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень.
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду.
Тяжелым кóсарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат мочала,—
Всему черед и честь, как в каждой мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют,
Ладони горячи и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день субботний,
И праздник настает...

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты,

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов.
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копья, в боны,
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явлением необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раakit.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света.
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно,
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины.
Пропустить боясь, сию, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой.
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

ДИОНИСИЙ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,—
Видать, для света и тепла,—
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?

Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?
Пылает северное лето,
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами,—
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,
Сверху Тотьмы не разглядишь.
Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.
А в лесах она, река Сухона.
В ней веслом до дна не достать,
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.
Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль,
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.
По реке плоты
В сорок две версты.
До небес семь верст
Лесом все...
В небе тыщи звезд,
Месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.
Хочешь — верь не верь.
Приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить
Тебе теперь —
Самолетом рукой подать.

Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог,—
Про дороги я не соврал.
К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна,
В темном лесе за Юг-рекой,

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колоколья ростом длинен,
Сажень в плечах, глазасть, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему,

В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстне по раме
К вдове над Вологдой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром.
Что до утра в царевом чине
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце,—
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем пропечен, как перцем,
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горнице не спится:
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

Две крутых соболинки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ,—
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

* * *

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока ЗИЛов и «Побед»
У въезда в город, белый словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И, всех оттенков радуги, пестры.
Шелков и ситца полные «кометы»
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

Все, говорят, на свете образуется,
Все в жизни станет на свои места.
И Дон Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.
Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.
У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна...
Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели,— подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал.
Горел, и мерз, и пировал как следует,
Ну, подвели — отбился, пустяки.
Но мысль одна с тех пор меня преследует —
Как быстро образумились дружки.
Разумные, врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружком,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньячком.
Да здравствует святая сила разума,
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.

Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторяю.

АЛЕШЕНЬКА

Словно в горле песенки горошинка —
Пропую, а не произнесу.
Есть такая станция — Алешенька,
Как тропинка к поезду в лесу.

В двух шагах от каменного города,
А как бы у света на краю,
Не известна никому, не дорога,
Сторожит стальную колею.

Ливнем стали и стекла по линии,
Будто на колесах города,
Никелем окованы, как инеем,
Мимо пролетают поезда.

Сколько Алексеев и Алешенек
В сутолоке, в громе, в суете
Названо, окликнуто, опрошено
На лесной сороковой версте?

Мимо всё. С печальями, с улыбками
Без ответа мчатся поезда.
Что-то человеческое, зыбкое
Потерялось в громе навсегда.

Двести лет прошло с тех пор, как брошено
Лесу, полю, солнцу и реке,
И летит: «Алешенька, Алешенька», —
А ответа нету вдалеке...

СОРОК ЛЕТ

Старой песенки этой не скоро
Отзвенит беспощадный мотив:
«Сорок лет — бабий век».
Нашим девушкам нынче под сорок,
Отлюбили они, не любив.
Были жаркими косы и руки,
Но из целого счастья
Взахлеб
Им достался одной лишь разлуки
До сих пор не прошедший озноб.

Только вовсе не жалости ради
И не праздно сочувствуя, я,
Им в глаза беззаветные глядя,
Сокрушен, как за други своя.
Слов не сказанных,
Песен не спетых,
Как ушедших годов, не вернуть.
Начиналось далекое лето
И сгорело в глазах — не взглянуть.
Видно, правда, что ровно полжизни,
А быть может, и больше, с собой
Унесли от них те, что отчизне
Присягнули своей головой.
Где-то высятся душные грозы,
Где-то луны томят до утра,
Обжигают прохладные звезды
И кострами знобят вечера.
Кто-то, вскинувши руки под небом,
Полыхает, как в пламени куст...

Это все не о них, это небыль.
Но я их утешать не берусь
Тем, что было не зря. Они знают,
Знают бабьей недолей, тоской,
Раз костры по ночам полыхают
И гремят соловьи за рекой.

Утешение слабое это,
Вовсе в том утешения нет,—
На земле не кончается лето...
«Сорок лет — бабий век»,—
Весь ответ.

* * *

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром ночной аэродром.
Повзводно, ротной, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там, в небе, самолетов след —
Как резкий свет кинжальных лезвий.
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках как дома.
О, знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый.

По тем болотам подо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.

Смотрю, как мерзлую лозу .
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив,— работа.
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота...

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг — с хлебами, с караваем
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев моторы выхлоп гасят,
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданием счастья.

Над камнем у витрин движение:
Плывут, качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взмывает звезды обмолота,
Щелоть роняет над солонками,
Благословляя... А всего-то

Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем цигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копятся.
Спит женщина в постели дома,

Над одеялом плечи жаркие
Белеют памятно и ало.
Метлою где-то дворник шаркает,
Почти за тридевять кварталов.

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток.

Над ним заря с зарей встречается,
И птенчик крохотный и звонкий
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.

Его никто не слышит малого.
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной
И день за ним грядет насущный.

Я много слышу о народе:
Народ могуч, велик народ.
То он умен и благороден,
То он чего-то не поймет.
«Народу этого не надо,
Народ пока что не дорос...»
А он воздвиг атомограды
И головой коснулся звезд.
К его ногам короны пали,
И в звездный час свой, в грозный год
Он нам открыл такие дали,
Что кругом голова идет.
Должно быть, он великий гений,
Но даже гениев народ —
Мой Пушкин, мой Толстой, мой Ленин —
Как сыновей в веках зовет.
И все ж летит из ближней дали,
Под скрип истории колес,
Звон двух сторон одной медали —
«Народ пока что не дорос».
Трещит башка от размышлений,
Так что же все-таки народ?
Кто он, младенец или гений,
Гигант или наоборот?
А он иной заботой занят,
Давно, решительно, всерьез,
И в Казахстане, и в Рязани,
И где-то там уже, у звезд.

Как трудно делалась история.
Ее ни вождь, ни царь, ни бог,
Полна история которыми,
Построить бы один не мог.
С огнем, с железом дело спорилось.
Рабочие в цехах стальных
Бесстрашно делали историю,
Не покладая рук своих.
Крестьяне делали историю.
Как солон пот, крестьянский пот.
Хлеба растили, избы строили.
В счастливый год и в недород.
Солдаты делали историю.
Не сладкий труд, солдатский труд.
Они вставали и не спорили,
И шли туда, куда пошлют.
Она и солона и дѳрога.
И в годы трудные народ
В ней силы черпает, в истории,
И в счастье до небес встает.
Она и без прикрас великая,
И из нее во все года
Нельзя, как в песне, слова выкинуть —
История одна всегда.

ОДНА ЛЮБОВЬ (ПОЭМА)

В окне вагона, как в портретной раме,
Огнем освещена, отдалена,
Она стояла, как двумя ручьями,
Стеклом и тишиной отделена.

Уже во власти скорого движенья,
Еще вблизи, но вся уже в пути,
И ждать не в силах было отпавленья
Так, как не в силах было отойти.

А стук колес все назревал и медлил,
Светилось в раме темное лицо,
И жар волос литых с отливом медным,
И на руке, как искорка, кольцо.

Сейчас ударят знаки отпавленья,
Сейчас качнется влево и пойдет
Покатых плеч короткое смятенье,
Ладоней пламя и волос размет.

На пальце, брызнув, искорка растает,
Все блики света вдруг поглотит тьма,
И предо мною пустота предстанет,
Стена забора, рельсы и дома.

На кой же черт придуманы вокзалы!
Как будто без вокзалов под луной
Для расставанья стало места мало
И не похож на них весь шар земной.

А может, для того нужны вокзалы,
Чтобы в минутном грохоте колес
Вдруг родилось, пришло и отсверкало
Все, что в года вместить не удалось.

* * *

Меня в любви не стерегли удачи,
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И счастьем и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи —
Попробуй за такою угонись,
Но если и погонишься за нею —
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь,
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,

Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви.

Где вдруг на миг она к тебе прижмется,
Пред тем, как скрыться на крыльце впотьмах
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам.

* * *

Четыре года, вечности четыре —
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

В глаза мои в упор из-под ресниц
Взглянуло небо солнцем и покоем,
И жаркий ливень мальв и медуниц
На полотне метнулся, беспокоен.

Пылало с белой ямочкой плечо,
Сияющее яблочным загаром,
И жгло меня спокойно, горячо,
Открытое совсем вблизи недаром.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягка трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толом горьковатым.

И я, чужак, как пень деревенел,
Курил табак и говорил до света,
И все не то и не о чем хотел,
И Пушкина цитировал при этом.

Среди екатерининских берез,
На узенькой скамейке из штакета
Часа в четыре ночи, все всерьез...
Я пожалел об этом в то же лето.

* * *

Любила ли? По-своему любила,
Как женщина мальчишку, как могла.
Но с глаз долой — из сердца вон.
Забыла?
Нет, не забыла, но с другим ушла.

Уехала. Сыграла свадьбу где-то,
А весело ли, грустно, — все равно.

Шел год победы,— в нем рекой в то лето
Плескались счастье, слезы и вино.

Теперь легко пережитые были
Мести, клубить, как папиросный дым,
А мне в ту пору неуютно было —
На белом свете столько лет и зим.

Но на него я вовсе не в обиде.
На свет. Кто обижается на свет,
Тот ничего, наверно, в нем не видел...
Свет белым был ночами от ракет.

И зыбким был. Но снова у дороги
Свистит свистулькой тонкая лоза,
Звенит, как обруч, солнце на пороге,
Топочет ливень, падает гроза.

* * *

Но кто считает, что Земля кругла?
Давно известно, что Земля горбата.
К одним щедра, к другим скупа и зла,
И дело не в зарплатах и заплатах...

Над нею солнце круглое встает,
И круглый год жара, дожди, метели,—
Свершается стихий круговорот,
И в этом цель, а не дорога к цели.

Протравлен солью, пылью пропылен,
На сапогах земли пудовой комья,
И звездной жаждой к миру опален,
Не тосковал годами ни о ком я.

Стояло время, и текли края,
Пески, пустыни, горные откосы,
Серебряная ниточка ручья
И волн морских зеленые колеса.

Но как-то у притихшего огня,
С оказией придя за перевалы,
Письмо от старого дружка меня
У озера Телецкого догнало.

Спадал костер, шумела тишина,
И в том конверте две строки вначале
О женщине, о том, что вдруг она
Ему сказала обо мне, кричали.

И их тоска, как радость, обожгла,
И время взорвалось костром косматым.
И я поверил, что Земля кругла,
Кругла Земля, а вовсе не горбата.

* * *

Готический приморский городок,
Где храмы, как гигантские ракеты,
На площадях стояли у дорог,
Клубил сиренью в ожиданье лета.

Казалось, это дым уже клубит
Из-под контрфорсов, как из дюз, на плиты
И город вдруг взвьется, улетит
К сияющему белому зениту.

Но, не интересуясь стариной,
Я проходил по улицам. Мне город,

Где должен был я встретиться с одной
Знакомой женщиной, был тем лишь дорог.

Я переулок скоро отыскал
И, видя подходящего амура,
Который на одной ноге скакал,
Играя в классы,
Бросил я окурок.

Амур был рыж, такому все отдашь,
Он, шоколадку получив, присвистнул
И взвился на какой-то там этаж
На крылышках своих с моей запиской.

Над этим домом плыли облака,
Над этим домом солнце поднималось,
Крошили звезды крышу чердака,
Дожди плясали, радуга сгибалась.

В нем женщина замужняя жила,
Смеялась, пела, плакала, сердилась,
И никого, как птица, не ждала
И, словно птица, все-таки томилась.

* * * .

Я ждал, ходил, шаги в минуты множа,
Как маятник, у дома на углу,
И розы, закрывая от прохожих,
Держал в руке неловко, как метлу.

Девчонки из аптеки выбегали,
Просили по цветочку, вот народ!
Я не давал, я ждал, там тоже ждали
И из окна смеялись: не придет!

Проехала машина поливная,
Шофер кричал: «Давай полью цветки!»
И вдруг из-за угла, почему я знаю,
Как я узнал по стуку каблучки.

Мы не встречались с нею восемь лет,
Лет пять мы не слыхали друг о друге.
Из-под ее ресниц прохладных свет
Ко мне метнулся в радостном испуге.

На всех камнях своих земных путей
Не забывал я той далекой, русой,
Весь городок был наш в плену у ней,
Глаз, песенок, проказ ее и вкусов.

Статна, горда, лукава, смущена,
Передо мною вся открыта свету,
Как даль весной, она и не она
Над всем стояла и ждала ответа.

Девчонки за окном притихли стайкой,
Шофер, притормозив, глядел нам вслед,
Гремело море, кувыркались чайки,
И не было ни дум, ни дел, ни лет.

* * *

А поутру, от солнышка хмельна,
Метя ветрами тающими ситца,
Без стука двери распахнув, она
Ко мне влетела в комнату, как птица.

Недавний сон дрожал еще в глазах
Недрогнувших, доверчивых, бездумных,

И я ее почувствовал в руках
Гораздо раньше, чем о ней подумал.

Ее дыханием близким я дышал
И слышал: сердце колотилось рядом.
Я все забыл. Но тут же услышал
Испуганное, горькое: «Не надо!..»

Что значить в этот миг слова могли?
Не надо — гнутся с грузом ветви сада,
Не надо — просят все цветы земли,
И рощи на ветру кричат: не надо!

Но, вся полна отчаянья насквозь,
Ударилась она неожиданно в слезы.
Что сделал я?
«Мне не дарили роз,
А я ждала, что все же будут розы.

Жизнь поднесла бумажные цветы,
Ей не было до нас, девчонок, дела.
Так в мире не хватало красоты,
Что истинного я не разглядела».

Мне тоже в жизни не встречалось роз,
Бывало, сказка ими расцветала,
На окнах в детстве рисовал мороз
Ветрами, снегом и зарею алой.

Четыре года посреди земли,
Слепящим громом разрывая воздух,
Передо мной вставали и цвели
Бризантные, клубящиеся розы.

Сквозь рощи роз меня судьба вела,
Лилейно-белых, розово-багряных,
В шипах колючек ржавых в три кола,
Над зарослями проволоки рваной.

И надо мною мог огня цветок
Встать и закрыться холмиком горбатым,
И я дарил их, отводя замок,
Дыша угарным воздухом отката...

Свидетельствовать могут все ветра,
Мосты, скамейки, памятники, зданья:
Лишь только розы с этого утра
Я ей дарил до самого прощанья.

Я их творил из сумерек и дня,
Асфальта, солнца, облаков и парков.
Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

* * *

Я верю кисти старых мастеров
И рубенсовской щедрости натуры,
Сверкающему грому их пиров
В тиши мансард пустых под небом хмурым.

Всех линий света, схваченных огнем,
Стремительному ритму и движенью,
Всему, что вечно красотой зовем.
И божеством еще и вдохновеньем.

Я говорил ей: «Здравствуй! Добрый день!»
Как это просто, и как это мудро,

Был добрый день, вовсю цвела сирень,
Но как сказать хотелось: «С добрым утром!»

А утро будет, утро быть должно,
Я осенью за ним приеду снова.
Так мною было твердо решено,
Хотя в ответ не сказано ни слова.

Ни да, ни нет, лишь «я тебя люблю».
Пароль и пропуск, и в глазах такая
Сквозная даль, и в ней по ковылю
Ветра и свет, ветра и свет сверкают.

О чем мы говорили,— никогда
Не рассказать, не вспомнить —
это знаки были

Морей и солнц, летящих сквозь года,
И парусов в сверканье звездной пыли.

И только в день отъезда, лишь за час
До поезда, когда нам грустно было,
«Куда ты едешь спешно так сейчас,
Кто ты теперь?» — она меня спросила.

Я должен ехать был на юг, к горам,
Туда, куда мои отряды вышли.
И я сказал, что я спешу к кострам,
Там ждут меня в горах мои мальчишки.

Мальчишки ждут... Кто женщину поймет!
Когда электровоз вагоны сдвинул
И разомкнулся рук замок навзлет,
Я услышал: «А разве ты мужчина!..»

В то лето ты была везде со мной:
В Армении, в долине Арарата,
Где между гор библейских рай земной,
Оранжевый на синем, был когда-то.

Со мной была ты хлебом и вином,
Входила в воду озера, как в небо,
Колеблясь зябким розовым огнем,
На белом пляже свой оставив слепок.

Я не писал тебе — зачем писать
Цветам, деревьям, воздуху и свету,
Лозе граната, птичьим голосам,
Всему незатухающему лету.

И в час, когда тяжелые винты
Несли два нимба к морю над горами.
Была ты ощущеньем высоты
Над облачной дорогой и ветрами.

Из лета в осень шел по небу ИЛ,
Земля под ним разворачивалась в плане,
Я землю лишь в подробностях любил,
Пропавших сверху в общих очертаньях.

А с женщиною все наоборот,—
Издаেকে ее не видишь всю ты,
Лишь волосы, глаза, бровей полет,
Подробности одни лишь почему-то..

Две огненные, рыжие стены,
И пламя листьев на стекле машины,
И волосы ее подожжены,
Пальтишко настезь, и платочек скинут.

Рождались наши фразы, как молва,
Обрывочно, тревожно, без вступленья.
Разъединяли смутно нас слова.
Но в близость претворяло их движенье.

Летели крыши загородных дач,
Шлагбаумы, кивающие косо,
Все пролетало, проносилось вскачь,
Лишь неподвижно полыхала осень

Торжественной последней красотой,
В которой все горит, все льется светом,—
От дюн до паутинки золотой,
Как будто здесь себя сжигает лето.

И мы к нему примчались на пожар.
Ушла машина, и в кафе пустынном,
За столиком, забредшим прямо в парк,
Она заговорила вдруг про сына...

И снова чем-то мучась горячо,
Курила неумело папиросы,
Твердя, что надо встретиться еще...
И было страшно задавать вопросы.

Миры менялись на ее лице:
То тень, то свет, то горькое смятенье.

Все впереди, и ничего в конце,
И время шло, кончая день осенний.

Никто из нас не говорил «прощай»,
И, может быть, «прощай» — ветра сказали.
А может, просто вспыхнул неба край,
И двое нестерпимо увидали —

Сентябрь на прибережной полосе
Был из живого выкован металла,
И черное графитное шоссе
Его на два пожара рассекало.

* * *

Для счастья припасенные слова
Под Мгой и Псковом, на ветру открытом,
Давно в огне сгорели, как трава
Вокруг брони, расколотой термитом.

Но я его берусь нарисовать:
Вот женщина, глаза, улыбка, плечи,
И ей мужчина говорит слова
Обычные — «день добрый» или «вечер».

Над ними солнце в синеву встает,
Вот утро — говорят они друг дружке,
И черный хлеб она на стол кладет
И разливает чай по белым кружкам.

А небо смотрит из окна на них,
Спокойное, огромное, без края,
В нем все, что есть, отныне для двоих
До смерти и они об этом знают.

И не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы.
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

* * *

Но голос вновь ворвался в телефон
Стремительно, упруго и неожиданно.
Как на земле хозяйничает он!
Звенит и тает, словно лед, мембрана.

Вначале было слово. Голос был,
С ним все преобразилось во вселенной,
Мотор такси над городом трубил,
Мосты вставали, расступались стены.

Она прошла спокойно по ковру,
Затянутая, в тесном платье черном,
И погасила праздника игру
В окне высоком медленною шторой.

Потом с ногами села на диван,
Забилась в угол, маленькою стала,
Взяла с вином недопитый стакан,
Но не пила, а просто так держала.

И все твердила — голова болит,
Как неуютно, зябко здесь и пусто...
Сводила плечи, а они цвели,
На красном белые, над платьем узким,

Над черным, скользким — белые как снег,
Горячие податливые плечи.

И поджимала ноги, как во сне,
Шелк натянув коленями навстречу.

И вдруг с размаху выпила вино
И, руки отводя от рук, сказала:
«Здесь душно...» И в мгновение одно,
Как сталь пружины выпрямившись, встала.

Над белым встала в черном, отдаясь,
И черное сменилось алым цветом,
И голос низкий прошептал смеясь:
«Мой милый, разве ты боишься света?»

Два раза простучали каблучки,
Веснушками летели кнопки с треском,
Над головой поднялись две руки,
И время жаром опалило резким.

И женщина, прекрасна и щедра,
Передо мной костром взлетела алым
Навек, на ночь, до самого утра...
Как это много и как это мало!

Ведь не украсть, не дать, не взять взаймы,
Не выпросить, не разделить на части
День добрый лета, осени, зимы,
Лишь «здравствуй» есть и нет «прощай»
у счастья...

Бывало, я довольствовался малым:
Теплом махорки, пайкою ржаной,
И счастлив был, а тут мне горько стало
За нас обоих в тишине ночной.

Зачем туманить правду наших лет,
Нам никуда от них вовек не деться!
Своей рукою погасил я свет
И вышел, чтоб она могла одеться.

* * *

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей и радостей основа!

Оно не только в громком и большом
В труде и славе, горных пиков выше.
Прислушайтесь, как время бьется в том,
Как люди любят, как грустят, как дышат.

Как меряют сердца любовь и долг!
Я был бы не таким в минувшем веке.
Мой сын возьмет себе иное в толк —
Иное время, в нем иные реки.

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь — сильнее войны она.
А кто сказал, что нет любви без счастья?

Чередованьем тени и огня
Оно прошло сейчас в громах вокзала,
Щемящим сквозняком обдав меня,
Под знаками неона и металла.

Что ж, повернемся к станции спиной,
Закурим, у пальто поднимем ворот.
Похолодало, дождь идет стеной,
И в молниях встает за нею город.

* * *

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малыш.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Без подражания мыслил, без сравненья.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилось колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало...
Какие нынче в мире чудеса!
Открытия! Им счета нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.

Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый,—
Ни бог, ни царь и не герой.

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.
Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

И Русь не та, и русские не те..
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней, не боле,
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес
И возродить сады Семирамиды, —
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь когда
Пойти вослед так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа, и ума,
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА

Б. Пидемскому

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни поем...
Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась пехота,—
Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году, ни жива ни мертва.
Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой,—
Как она полоскала рубашку свою и рвала,
как ромашку, для раненых,—
И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька — красавица русая —
Пулеметом порубана, где-то рядышком, милая.
Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы — как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.
На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом, из роты последние.
Ничего нет вокруг, но велением памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,

И солдаты встают... Воздвигается памятью
памятник,
Там, где нету его, но стоять ему там полагается.
А вокруг — мирный луг, а вокруг — жизнь

нормальная.
По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.
Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,
Бьют о ребра вовсю, будто тесно им, тесно им.
А водителю Вите лет двадцать, не более,
Столько, сколько нам в армии было когда-то.
Он включил себе радио, не идет с нами в поле,
Наши слезы и песни ему непонятны.
Что ему это поле, — как нам Куликово, не боле!..
Хлещет радио джазами над погостом в костях
и металле.

Мы с товарищем, с нашею славою, с болями,
Эпопеей для Витьки, историей стали.
Только мы не история, мы в нее не годимся, —
В нас ликують и плачут железные годы,
И живут там солдаты, и хрипят: «Не сдадимся!»,
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.
Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы,
Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью

мучиться.

Ах, зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах,
Полон Витька к истории благодарности и
уважения.

Он глядит на шоссе и на девочек в брючках,
без усталости
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

* * *

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня не ослепило,
Чудо женское зеленых глаз,—
Где, когда, не помню, это было..

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги.
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным

ВЗГЛЯД ОМ...

Два дождя стоят в ее зрачках.
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

ХЛЕБ

В нем дюжина дождей и солнца суток сорок,
В нем пара сотен зорь и полдесятка гроз,
Сто тысяч в нем токов и шин машинных
шорох
Комбайнов ровный рев и ливни синих звезд.

Лежит бугор меж гор, в народе говорится,
А выставят на стол, и станет стол — престол.
Хлеб — голова всему. Он с солью не бранится.
Смиряется и пес пред ним, хотя и зол.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо.
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.
Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны.

Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены
На российском Севере
В стороне прославленной!

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер,—
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы,
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлебов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век,—
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог,—
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму.
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,
Одно другим не зачеркнуть.

А кто такой Бартоломей Диас?
Что слышали вы нынче о Диасе?
И почему Диас дошел до нас,
Чем он прославился — вопрос неясен.
Он Африку когда-то обогнул,
Впервые обогнул ее по морю.
Сто раз тонул, но гнул ее и гнул.
И обогнул, навек войдя в историю.
А кто такой Бартоломей Диас?
Я спрашивал, мне люди не ответили.
Одни сказали — он испанец, раз
Фамилия Диас.
Да, тьма на свете их.
Другие заявили — футболист.
Зачем тебе он? — вопрошали третьи.
Плыл в пене волн и солнц зеленый мыс.
Рвал ветер паруса в пятнадцатом столетье,
Жгла соль огнем бессонные глаза
Как мир велик! — ни тронов в нем, ни клира,
Под килем и над мачтами гроза,
И солнце прогибает крышу мира.
А в стольном Лиссабоне день за днем
В порту взлетали флаги на флагштоках,
Гремели сходни, но никто о нем
Не вспоминал, не знал о нем, и только
Шальная девка, все забыв с тоски,
Обласканная как-то ненароком,
Не забывала жарких две руки
И знала, кто такой Диас, до срока.

А он о ней забыл в тот самый час,
Когда вернулся, королем обласкан,
И Лиссабон: «Да здравствует Диас!» —
Гремел, судьбе завидуя прекрасной.

.
Прошли века, сегодня мир гремит.
От маршей тесно рациям в эфире,
Волна восторга в радугах звенит,
Неслышанное совершилось в мире.
Мир шире стал, чем был, для всех для нас.
...А кто такой Бартоломей Диас?

ОДА ДУРАКУ

Я не знаю, почему и как
Снова древним сквозняком подуло:
Эгоист — так, значит, не дурак,
Даже у него губа не дура.
Вновь звучит: «Ищите дураков!»
Только нет на дурака науки
Ныне, присно, испокон веков
И от дедов к сыновьям во внуки.
Дураков не сеют и не жнут,
Сами дураки на свет рождаются
И, как меря древняя и жмудь,
Начинаются и не кончаются.
Не перевелись и на Руси.
Есть. Живут. Она без них немыслима
Со своими верстами веси
И заоблачными всеми высями.
Славлю, прославляю дурака
Так, как сказка славил и присказка.
Без него немыслимы века
Давние и будущие близкие.
Он бессмертной думою богат,
От нее до смерти не откажется,
Пусть при этом сам себе не рад
И порою свет с овчинку кажется.
Для него не пишется закон,—
Эту дурь из дурака не вышибешь.
Он — дурак и лезет на рожон,
Если б мог, то лез еще повыше бы.
Я и сам такой — из дураков,

Жизнь меня еще не переделала
И лупила зря со всех боков
Так, что я не видел света белого.
День встает. Дорога далека.
Кто ее без нас на свете осветит?
Славлю, прославляю дурака —
Так, как сказка славил и присказка.

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.
Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.
Жизнь прошла с тех пор,
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,
Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.
Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной
Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.
Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.

Только бы его сейчас пройти.
Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.
Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!
Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.
Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.
Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!
Он не хочет верить в поговорку —
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.
Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

Далеко не все добиты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло,
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.
Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?
Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

* * *

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы,
Верил только в загады
И не верил в приметы.

Я пришел в сорок пятом
Опаленный, живой,
Молодой, конопатый,
С золотой головой.

Думал, глянув на лето:
Жизнь еще впереди.
Все, что кончилось,— это
Уходя — уходи...

Не считал я закаты,
Не считал я рассветы.
Пожилым, бородатым
Вспомнил дальнее лето.

Сосчитал и закаты,
Сосчитал и рассветы —
Позабыл про загады
И поверил в приметы.

Глянул в дальнее лето —
Зашемило в груди..
Все, что кончилось, где ты?
Жизнь, постой, погоди!

* * *

Начало лета —
Как начало лет,
Где любят женщину
И ценят друга.
Где да — есть да.
Где нет — уж точно нет.
И мир очерчен,
Но не замкнут кругом.
Начало лета..
Зной еще не зной,
Листва упруга, говорливы травы,
Виски не облепило сединой,
И воздух полон ожиданием славы.
...Как замирают зубчики резной
Ромашки и пугливой маргаритки.
С размаху ливни, вставшие стеной,
Ко мне идут, стремительны и зыбки.
Я верю в парус и люблю весло,
И утром, на окраине рассвета,
Куда меня неожиданно занесло,
Ломаю хлеб, благословляя лето.
Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
Сирень на камне, хруст песка у плеса
И занавески белые в доме,
Летающие вослед разноголоса
Мир полон превращений и чудес,
В нем хмель вина, соль медленных раздумий,

Гир за полночь, дорог далеких вес,
Оазисы мои и Каракумы.
Моя обетованная земля —
Улыбка женщины, рукопожатье друга,
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга.
Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчиков забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.
Начало лета,
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.
Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарина.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всегдашний тьмы и света поединок.

Дни стали вдруг похожи на пластинки
А может, на картинки переводные,—
В них много охры, сурика и синьки,
Они тонки, с листом бумаги сходные.

Они слетают красочные, яркие,
Пустынные, земные и небесные,
Увенчанные зорями, как арками,
Пронизанные птицами и песнями.

И я гляжу на них с веселой грустью,
И я гляжу на них, себя жалея,
На тонкие, на легкие, на хрупкие
Дни солнечно летящего апреля.

Куда уходят годы? Ну куда?
Стекают, как в резервуар вода,—
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы? Ну куда?
Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет,—
Аж пуп трещал; а где теперь тот год?
Куда девался год — и не найти,—
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.
Наверно, где-то копятся года,
Как под землею копится руда,
Или как шлак сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода,—
Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

* * *

Давно всему известно свету,
И это не его вина,—
Непогрешимых истин нету.
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым.
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

* * *

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинкой на ветру игрой,
Сверкающим полетом льдинок.
Что в мире через тыщу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилищ?
Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стынь и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?
Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?
И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения.
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чашами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие,—
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнание, за Полярный круг,
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал снег, как белое безмолвие,
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою..
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1

По всем морям, материкам и кручам
Истории грохочет колесо —
С тяжелым хрястом, с яростью могучей —
От прадедов к сынам стезей отцов.

А я брожу по странам, где давно
Все по местам расставлено, по полкам,
Оценено, в реестры внесено,
И новых не предвидится осколков.

Здесь позабыли все про колесо.
Гигантский обод на незримых спицах
Ничто не крутит. Времени лицо
Бесстрастием и скукою томится.

И колесо колышется, скрипя,
Само собой не трогаясь ни с места...
Спят в громе города, музеи спят,
Европа с сигареткой дремлет в креслах.

Что ей еще? Европа кофе пьет,
Все позади — чума и баррикады,
Концлагеря, вожди, война, народ,
Грядущее... Ей ничего не надо.

Немнувшийся терленковый пиджак,
Дымок над хрупкой чашечкою гнется,

И в рюмке, как янтарь, дрожит коньяк...
...Что будет, если колесо качнется?!

2

По случаю побед на той войне
Читают лекции пенсионеры.
Воспоминанья, словно символ веры,
Витают и восходят в тишине.

А за углом мальчишки пляшут твист.
Транзисторы на шеях, как планшеты.
Мир ходуном кидает вверх и вниз,
И места в нем для героизма нету.

Кому какое дело до войны,
Которая была до них когда-то.
Ракеты на весь свет наведены,
И врут о вечном мире дипломаты.

Мальчишки за углом танцуют твист,
Трассируют на камни сигареты.
Согни колени, вскинься, наклонись —
Качается, как тамбур, вся планета.

А памятники в розовом дыму
Плывут среди каштанов, как виденья,—
Подобных никогда и никому
Не будут ставить в новых поколениях.

Воспоминаний пенсионный свет
Не оживит легенд в забытом храме.
Свистят подошвы узкие штиблет,
И холодно в жару под свитерами.

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства,
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий,
Есть стюардесса в цвете лет
Есть аэрон, бетон, динамик,
Оружий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник,
Над пластиковым столом
И чашечкой «эспрессо» бледным,
В часу неведомо каком.
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы,—
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.

А синие глаза пустынные,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Пить спирт из фляги у костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен ночи мрак и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая, как груз.
А в чем она — не скажешь сразу:
В девчонках юных на углах
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкуче
Заклучено в том и другом?
Забудут, не наймут, не купят,
Или поверят, но с трудом?

Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты саперы,
Настилы руша с высоты
И за рекой оставив город.
Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпили колоколен,
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.
И лучше не глядеть назад.
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.
Ты в жизни жег хоть раз мосты?
Вот так, а может быть, иначе?
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача.
Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет,—
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.
А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

У ракетной переправы
На бетонном берегу
Ни налево, ни направо
Оглянуться не могу.

Все смотрю на купол синий
С кромкой леса на краю.
На земле моей России
Заглядевшись в даль свою.

Крыльями зари касаясь,
Серебрится самолет.
Улетаю не прощаясь,
Не отметив стопкой взлет.

Позабыв про телефоны
И про серые глаза,
Не печальный, не влюбленный,—
Сам не знаю, как сказать.

Улетаю, улетаю...
Тает талая заря.
Все, что было,— сам считаю,—
Это было просто зря.

Люк захлопнут, трап откатят,
Щелкнут пряжками ремни,
Гром накатит и подхватит
За стеклом земли огни.

И пройдет на шпильках острых,
Длиннонога, не стуча,
Всем улыбчива по ГОСТу,
Стюардесса у плеча.

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходням
Травы, кувшинок, тростника.
Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь,—
Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.
Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.
Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.
Молить напрасно, звать напрасно.
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя — огнепоклонница,
Язычица из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа, в динамике дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в зубах,
И витязи торчат в дозоре,
Щитами заслепясь в лучах.

Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не может стать
С весной и Русью никогда.

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Юрию Быкову

Республика на страх своим врагам
Воздвигла гильотину, словно вече.
Всем королевским шлюхам и чинам
Рубили с маху голову по плечи —
Тем, кто кричал: «Да здравствует король!»,
Служил иль просто числился по спискам.
Свобода — отзыв, трибунал — пароль.
Всем поровну и хлеб и обелиски.
Ах, Марианна, красен твой колпак,
Нежны и алы губы от рожденья
Уже на свете ни один дурак
Не завопит о короле на Сене.
Но все-таки придется заплатить
Последний раз за Францию по счету.
Надета треуголка, он в пути,
Ведет поручик-корсиканец роту.
Есть равенство в стальном строю солдат,
А звезды так близки на эполетах,
И пушки высоко заговорят
Последний раз диктаторским фальцетом.
Но никому отныне не взбредет,
Что кто-то может солнцем быть, державой,
Отцом родным. Да здравствует народ!
На площадях, как девка, пляшет слава.

* * *

Это было все-таки со мной
В день девятый мая, в сорок пятом:
Мир желанный на оси земной
Утвердил я, будучи солдатом.

Пели птицы, радуга цвела,
Мокрой солью заливало щеки...
А земля сожженная ждала,
И с нее я начал, как с опоки.

Начал вновь мечты и все дела,
Села, пашни, города, плотины,
Выбелив на солнце добела
Гимнастерки жесткую холстину.

Это было все-таки со мной.
Для труда, прогулки и парада
Не имел я лучшего наряда
И в рабочий день и в выходной.

Кто-то за железною стеной
Рабским посчитал мое терпенье.
Что ему сказать? Его с коленей
В сорок пятом поднял я весной,
Начиная мира сотворенье.

Шел бетон, вставляли корпуса.
Реки переламывали спины,
Домны озаряли небеса,
Плуг переворачивал равнины.

Это было все-таки со мной.
С неба на земные континенты
Я ступил, затмив собой легенды,
В форме космонавта голубой.

Я иду дорогою земной,
Перед солнцем не смежая веки...
Все, что в мире делается мной,
Остается на земле навеки.

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас!
Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим, не прячась,

не таясь...

Про то, как мы тоскуем.

Ты таланта

Не пожалей

И напиши про нас.

А я стихи писал, когда все спали.

Все про себя писал. Как тосковал я сам,

Как писем ждал,

Хотел, чтоб вспоминали,

Не забывали... Я отказывал друзьям.

Я говорил им, сонным и усталым:

Отстаньте, я пишу письмо домой...

Домой! И лица им улыбка озаряла —

Прости, пожалуйста, само собой...

Они валялись в сны свои на нары,

Коптилка замирала в тишине.

И я писал, за то им благодарный,

Что не мешали мне.

А ночь в громах ворочалась снаружи,

Стучала пулеметною строккой.

Я юным был, и было мне не нужно

Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

* * *

Мы для костров рубили топором
В землянках все, что было нашим бытом.
Разогревали масло над костром,
Настраивали рации открыто.
Чехлы срывали с пушечных стволов,
Делили водку, заводили танки,
А над землей в ту ночь огнем мело,
Ревело небо перед днем атаки.
И кто из нас тогда подумать мог,
Что вспомнят через два десятилетия
И эту ночь, и день, пришедший в срок,
И праздником страна его отметит.
Кто мог подумать и вообразить,
Что будут оды и статьи в газетах.
Минуты не было, чтоб покурить.
Не то чтобы еще мечтать при этом.
Дрожала из конца в конец земля,
День занимался над равниной белой.
Как трубы, грохотали дизеля,
Сталь на морозе колоколом пела.

Не на западе — на востоке
(Запад стар и все знает сам)
Вновь по свету ходят пророки,
Свет внимает их голосам.
Ах, пророки годов высоких!
От костров гражданской войны
Ваших гневных воззваний строки
Алой кровью обагрены.
Убивали вас ночью белой
В темноте кулацкой рукой,
А гармоника где-то пела
Ваши песенки за рекой.
Поднимались вы из окопов,
Чтоб под пулей немецкой лечь,
Но не может забыть Европа
Ваших гимнов походных речь.
Вновь выстраиваются в строки
Вера, Правда, Верность, Любовь,—
Поднимают слова пророки
И несут их на люди вновь
Не в библейских белых хитонах —
В гимнастерках и в пиджаках,
Непременные микрофоны,
Словно посохи, в кулаках.
И совсем как во время оно,
Как две тысячи лет назад,
Словно трубы Иерихона
Репродукторы их гремят.

Меня страшат аэродромы,
Когда в ненастные часы
Вдруг станет шар земной огромным
За краем взлетной полосы.
Дюралья мир и плексигласа,
Мир современных скоростей
Дряхлеет вдруг мгновенно, разом
И слухов ждет, как ждут вестей.
Становятся горами горы,
Моря — морями, лесом — лес
Под грозным заревом просторов
Пустых эпических небес.
Ангары, башни и экраны,
И фюзеляжи в серебре,
Как свалка крашенных жестянок
За городом на пустыре.
И у буфетной стойки длинной
Под скучный музыкальный гром
Сжимают в кулаках мужчины
Безмолвно стопки с коньяком.
Как хрупок все еще бетонный,
Стальной и электронный свет
Пред тем, живым, одушевленным,
Бушующим миллионы лет.
Одно неверное движение —
И брызнет тонкое стекло,
И вот уж снегом с тихой ленью
Его случайно замело...

* * *

Ракетами, как луг ракитами,
Стал ныне шар земной богат.
На всех материках раскиданы,
Ракеты пьют и хлеб едят.

Живется им неплохо. В наледи
Свои вздымают острия —
Континентальные, глобальные,
«Земля — зенит», «земля — земля».

На них работают, не ленятся
Три миллиарда на земле,
И засекреченные гении
Ракетам служат в их числе.

Ракетам всё — шоссе бетонные,
Дворцы в глубинах недр земли.
Луга, леса, поля зеленые,
И глуби вод, и корабли.

Их фотографии красуются
На первых полосах газет,
И дипломатами трактуется
С трибун земли язык ракет.

Тяжел от стронция и радия,
Летит на землю дождь и снег...
Так непонятно в веке ядерном
Выходит к звездам человек.

* * *

Хотел бы прямо, без обиняков,
А как сказать, чтоб ты в меня поверил.
Я роюсь в груди обветшалых слов
И целой жизнью меряю потерю.
С углями перемешано, с золой
Оно, как несгоревшая железка,
Омыто кровью, потом и землей,
От ржавчины очищено до блеска.
Я жил и мыслил, подтвердит оно,
Скрепляя расступившиеся звенья
Годов нелегких, минувших давно,
И новых дней упрямое рождение.
А ты однажды распахнешь окно —
Ворвется ветер с дымом и озоном,
И ты со мною будешь заодно
Дышать им так же, как во время оно
И я дышал.
Шли грозы по реке,
От жажды выгорали побережья,
И чье-то сердце падало в тоске,
И подымалось все-таки в надежде...

* * *

Красный бархат и алый шелк,
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе — Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини.
А на завтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толом.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.
Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою —
Где-то в залах и кабинетах,
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.

Видно, память крепка у нас
Или просто дело не в датах,—
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

Меня раздумья одолели,
Как будто старость старика:
Одни, одетые в шинели,
Идут ко мне издалека,
Другие, близкие, как тучи,
Как облака, ползут на лоб.
Темны, светлы, тяжки, летучи,
Неся прохладу и потоп.
Хлебаю щи — они клубятся
Над мискою, как синий пар,
И, с ложки капая, дробятся,
Как звезды медные, в навар.
Хожу в раздумьях, как в одеждах,
Мне трудно в них, без них нелзя.
Я с ними злой, угрюмый, нежный
Стал
И придирчивый к друзьям.
Я не могу без них и с ними...
Вот день ступает за межу.
Встаю с раздумьями своими
И на дорогу выхожу...

В ЭЛЕКТРИЧКЕ

А наши песни остаются,
И в пригородных поездах
Они опять вовсю поются,
Как мы их пели на фронтах.
Есть на веревочке гитара.
Своя компания вокруг.
И нет на свете песни старой,
И времени замкнулся круг.
Поют ее, как мы певали,
Вдруг повзрослевшие юнцы.
Поют опять не трали-вали,
А то, что деды и отцы,
Когда им было лет по двадцать,
Когда, казалось, тишь и гладь,
А завтра надо призываться,
А послезавтра умирать.
Летит вагон заре вдогонку,
Ах, как натянута струна!
И мы стоим грустя, в сторонке,
И родина на всех одна.

Опять на старую гляжу
На фотокарточку оттуда,
Где жизнь моя в огне, как чудо,
Шла по стальному рубежу.
Чему он радуется там,
Юнец, мальчишка в гимнастерке,—
Бомбежке, на снегу кострам,
Щепотке рубленой махорки?
Он, улыбаясь, на меня
Глядит из взорванного мира,
В планшете кирзовом храня
Настроенную музой лиру.
Чему он радуется там?
Снаряд шальной, завыв, ударит,
И он не пискнет, как комарик,
А полк уйдет к иным огням.
Гомер гвардейского полка,
Ни жизни, ни любви не зная,
Он может все наверняка,
О чем я не предполагаю.
Возьмет немытой пятерней
В горсть переливчатые струны —
И я пред ним замру немой,
Завистливо, как мальчик юный.
Ракета над полком взойдет.
Он эту лиру к черту кинет,
И рейх к его ногам падет
В дыму в поверженном Берлине.

Танкист гвардейского полка,
Мальчишка, искра грозной бури,
На что он там издалика
Глаза улыбчивые щурит?..

Что знаю я о мире и войне?
Да ничего.
Как в травах льются росы,
Как бьет свинец по танковой броне...
А что еще?
Ты задавай вопросы.

Философ лоб наморщит, как Сократ.
Политик соловьем зальется в пенье.
Ты уши раскрывай, он только рад.
Он полон весь глобальных обобщений.

Я знаю лишь подробности одни.
Я ими обожжен и зачарован.
Ты их забудь. Но все же сохрани,
Как найденную некогда подкову.

Когда-нибудь и зазвенит она.
И ты рукой коснешься строчки ржавой.
Есть мир на свете.
Но была война.
И кровью и железом пахнут травы...

БАЛЛАДА О ПАРЛАМЕНТЕРЕ

Армиями оставленный,
Веря в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.
Друзья его позабыли,
Жизнь его стала былью.
Белой походной пылью
Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
С почтою голубиной,
С молниями соборов —
Сахарно-белый город.
Красные трубы Пешта,
Арки мостов чугунных.
Стоит капитан безгрешный —
Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
Пламя над всем Дунаем,
А капитан, как ангел,
Городу мир предлагает —
В стираной гимнастерке,
Один, даже без нагана.
Восемь дивизий Хорти
Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
Плывут себе по Дунаю.

Пляшут мальчишки в Буде,
И он им мир предлагает.
Мир секретарше мэра
В руке с угольком помады,
Пенсионерам в скверах,
Памятникам и оврадам.

Где-то на дальних реках
Снова бушует пламя...
Мир предлагая веку,
В камень врос сапогами —
Армиями оставленный,—
С верой в добро и чудо
Стоит капитан Остапенко
Один на дороге в Буду.

Костры горели на снегу,
Мы их сооружали быстро —
Ведро газойля из канистры,
И, как деревья, шли танкисты
Погреться, покурить в кругу.
Друг друга подперев плечами,
Никто не заводил бесед,—
У каждого свое молчанье,
Свои слова, свой в лицах свет.

Костры горели на снегу...
Настало время мне признаться:
Ни мужество, ни долг солдатский,
С тех пор забыть я не могу —
На черном фронтовом снегу
Круг человеческого братства.

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой,
В день Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки родиной самой.
Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.
Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались, на войне.
Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы кроме нас никто.

Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Циолковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.
А года без них всё длятся, длятся...
Ах, как в мире холодно без них!
Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.
Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем. Что забыто?
Ничего не скажут имена...

* * *

Были годы юны, были рыжи,
Бегали по лужам босиком.
Я из них, как из пеленок, вышел,
Вырос бородатым мужиком.
Ликовал над горсткою махорки,
Над краюшкой хлеба и костром.
Были годы трудны, люты, горьки,
Порохом продуты и огнем.
Стал я стар и, как мальчишка, ясен
И доверчив. Видно, те года
Одарили верой, и не к счастью,
И уже, как видно, навсегда.

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лунь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей творя.
Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.
И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.
История. О давнем, незабвенном,
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг.
И ход времен движенье обретает,
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.
Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.
А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.
Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.
Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

* * *

Всю жизнь куда-то далеко спеша,
Я близкого чего-то стал бояться.
Вдруг оказалось — у меня душа,
И с нею надо, видимо, считаться.

Она не то что вымысел какой
Пиитов девятнадцатого века,—
Душа болит! Что делать мне с душой?
Неправда! Ей что делать с человеком?

Что делать ей, мифической, со мной?
Я семьдесят четыре килограмма,
Член профсоюза. Праведник земной.
А лгу и трушу только в крайнем самом...

Но взбунтовалась бедная душа,
Та самая, что еле-еле в теле,
И двинулась, все ложное круша,
Ко мне. Она другой не знает цели.

Меня она за шиворот взяла,
Тряхнула и поставила на ноги.
«Иди, будь тверд, верши свои дела
И знай: горшки из глины лепят боги.

Ты — бог, ты добр, ты храбр, и я с тобой,
Лепи горшки. Не предавайся лени,
И принимай неотвратимый бой,
И подымай упавших с четверенек.

Бессмертна я...»
Я подчинился ей,
Она — душа.

Считаться с нею надо,
И забывать о бренности своей,
И, кроме жизни, не искать награды!..

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рискованно, резко,
В солнце, в дождик и в снега.
Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.
Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.
Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора,
Бед полно на свете белом.
Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отсталых,
И врага ты заведи.
Ну, а я не завожу,
Я живу, а не играю.
У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

Не имей сто рублей...
Славу богу не имеем.
Словно снега в Дагомее,
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей...
Рано утром бьют звонки.
Двери настезь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?
Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.
Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей,
День с друзьями. как с дарами...
Не имей сто рублей...

* * *

Человеку очень много надо.
Он не зверь, не птица, не комар.
Но не меда и не шоколада,
И не обуви пятнадцать пар.
Почему бы это, отчего бы?
Он умен, как дьявол, и хитер.
Отдавал и шоколад, и обувь.
Плаху выбирал он и костер.
Он да свет. На глиняной планете
Больше ничего, пожалуй, нет.
Хочет очень многого на свете
Человек уже две тыщи лет.
Он один за святотатства пламень
Освещают путь в кромешной мгле
Над материками и веками,
На его единственной земле.

СКАЗЫ О ДИОНИСИИ

Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.

Из старинной грамоты

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.
И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.
За спиной его в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.
За спиною ревуший век
Конференций, джазов, молелен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.
Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настежь.
Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,
За густым частоколом трав
Запевает горласто где-то.
Возникает голос ручья.
И за белой рощей туманной,

Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,
Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

* * *

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?
Ну к чему бы?
Умна дорога.
Гудом ночи уже гудят.
А она — подожди немного...
Холм подкинет — взойди-ка, брат.
Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!
Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманывал — глянь-ка, брат,
Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

* * *

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,

И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета.
И никто им был не указ,—
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз,
Ну, а глаз — чем его измеришь?
Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.
Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.
А всего-то на нем сошлись
Мастера, забываясь в выси,
И кричал им: «Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне!..» — Дионисий.

* * *

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил
Кистью.
Как — понять не могу.
Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост. К себе на тесинку
Восходил, как на край небес.
Прижимая с красками кринку
Ко груди,

И глядел через
Стены каменные навывлет.
Широко сияли глаза,
В них озера и грады плыли,
Зори прядали, и гроза,
Травы синие Бородавы...
И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы,
В алых зорь золотой накал.
А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму.
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.
Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвой дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.
И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек,
Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не принижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.
А тесинка под ним качалась,
И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын...
А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала!
Полюбуйся, а то сотру! —
Дионисий.
Синие выси.

Кисть как факел в его руке,
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.
Факел?..
Кисти кидал за спину.
Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.
Он стоял, борода и странен,
Закатав рукава. Босой.
Рыжий, будто мирской крестьянин
Над невспаханной полосой...

* * *

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона,
И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.
Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.
В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.
Люди ахают — Куба!
Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — Его улыбку.
В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики
Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.
Над стыдливым пожаром лиц,
Как озера, глаза смятенны.

Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.
Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.
Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

* * *

Там, где Чудь чудила и Меря,
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.
Со дна
Русь по капле росы собиралась
И копилась в реки в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.
Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,
Скатный жемчуг песен хранила.
Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьём не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скорбь, а за красоту.
Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.
Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.

Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.
Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам,
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.
Пусть каменья грубы, щербаты,
И в навозе они, и в пыли,
Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

* * *

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,
Птиц серебряные коленца, и
Сошлись посреди двора
Вместе — атомной эры жители
И неизвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.
Вот сошлись и держат совет.
Одного они роду-племени,
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.
В небе белый ракетный след.
Рев турбин.
А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.
Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.

Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.
Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.
Сколько глаз горит, сколько звезд,
Как похожи они в России.
Дионисий.
Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям.

ПЕЙЗАЖ

В зеленых травах белая тропинка
Пересекает черное шоссе,
За ним она спускается в низинку,
Купается в серебряной росе.

Потом идет по красному болоту
Среди осоки, камышей, тресты —
И вдруг выводит словно бы к восходу
Упавшей с неба синей высоты.

И ты встаешь перед большим простором,
Где, как сады, клубятся облака
То розовым, то голубым, то черным,
Подернуты движеньем ветерка.

Там на столбах колеблющихся света
Стоит зеленый берег, бор стоит,
Деревня, дранкой золотой одета,
Плывет куда-то, трубами дымит.

Над ней лежат кувшинки, стебли спутав,
И лодка, опираясь на весло,
И выводок в нее ныряет уток,
Пока еще не ставших на крыло.

ВСТРЕЧА КОСМОНАВТОВ

Юрию Быкову

Это было как-то в октябре.
На аэродром, где дождь и мгла,
Мы пришли на утренней заре,
Бросив все насущные дела.
Грохот государственных минут.
С неба резко сыплется эскорт.
Трап, как трон серебряный, везут,
Замер на земле аэропорт.
Пробегают холодок в душе
С бурей и восторгом пополам.
Как мальчишки, смотрят атташе
Суверенных стран, неблизких нам.
По дороге красной, по ковру,
Трое русских юношей идут,
В блеске заливающихся труб,
Под веселый пушечный салют.
Вспышки блицев с четырех сторон,
Строй министров. Флаги. Караул,
С тишиной и громом сопряжен,
Синие штыки в зенит плеснул.
Трое русских юношей идут
Беспечально к славе мировой.
Словно по дороге полевой,
Где хлеба да васильки цветут.
...В гуле, в тишине пройдут века.
Побывав в немыслимой дали,
Будут прилетать издавека,
Возвращаться с неба корабли.

Никаких оркестров в тех веках.
Точный график расписанья прост.
Только у вернувшихся в глазах
Блеск работы — свет далеких звезд.
Но хочу, чтоб там, в слепящей мгле,
Знали, звездный обретя венец,
Мы их здесь встречали, на земле,
Ревом пушек, грохотом сердец.

* * *

О беспокойство вечное умов!

Закваска века.

Молодость вселенной.

Оно срывает крыши у домов

И разрушает каменные стены.

Никто его не может предсказать

Или загнать в бутылку, словно джинна.

Вот начал мальчуган соображать,

Мыслишки бродят в голове невинной,

Расчеты на тетрадном листке

И формула — и преставленье света.

Все, оказалось, было на песке

И рухнуло — и нет авторитетов,

Как будто бы в кино или в раю.

Держи карман, как говорится, шире,

Я сам не верю в сказочку свою,

Но все ж брожение происходит в мире.

И на дрожжах его восходит день.

Идет умов гигантская работа,

Великое сражение идей.

Мир озаряют светом капли пота.

ПИЛОТЫ

1

За городом, у кромки леса,
Где лег на землю небосвод,
Как юный двигатель прогресса
Гремит в грома Аэрофлот.
О нем кричат и днем и ночью
Реклам цветастые щиты:
За два часа ты будешь в Сочи,
За пять достигнешь ты Читы.
А что в Чите, а что в Чите там?
Рай для души, и в нем своя
Кричит реклама на щите там,
Зовет в далекие края.
Все граждане сорвались с места,
Летят незнаемо куда.
Аэрофлот, дитя прогресса,
Для них к услугам завсегда.
С утра до самой ночи поздней
К земле бетонной и с земли
Срываются со свистом звезды,
Летят, садятся корабли.
Аэрофлот всю хлопочет,
Грохочет — господи прости!
Снег Воркуты и пальмы Сочи
Зажаты у него в горсти.
А от него на всех широтах
По матушке-земле самой
Идут усталые пилоты,
Пешком торопятся домой.

Когда пилоты на аэродромах
Играют в карты или в домино,
Наш тесный мир становится огромным,
Таким, каким он был давным-давно.
Еще до появления скоростей,
Магнитофонов, субмарин, гудрона,
Еще до проштампованных страстей
И массовых психозов миллионов.
Стучат костяшки. Партия «козла».
И с каждым сокрушительным ударом
Уходят вдаль, и их скрывает мгла —
Материки всего земного шара.
Рукой подать! Рука сжимает кость.
И надо на почтовом до Парижа.
А кость уже вколочена, как гвоздь,
Прощай, Париж, тебя я не увижу.
Растет окурков дымная гора.
Воротнички распахнуты и души.
Далекая придвинулась пора,
Распался мир на хляби и на суши.
Скликайте в мире вымерших коней,
Седлайте их, впрягайте в дилижансы,
И за столом у молодых парней
На выигрыш приумножайте шансы.
Ищите на толкучках паруса.
Стучат костяшки звонко, как копыта.
Который час? А может, на часах
Века сгорают, как метеориты.
Пилоты забизаут в домино.
Отменено пять тысяч совещаний.
Пять караулов спать ушли давно
В столицах стран, затерянных в тумане.

А у ребят хорошая игра.
Они вошли во вкус своей работы.
Такая в мире настает пора,
Когда играют в домино пилоты.

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы — костры на ветру.
Ревут города — нам в притихшие души
Неоном, бетоном, стеклом.
Ракетные скорости кровь нашу сушат,
И мы забываем о том,
Что где-то на сине-зеленой опушке
Стоят неподвижно дубы.
Там дрема ромашки, там слезы кукушки
И вздох журавлиной трубы.
Там ивовый прутик, как радуга, гнется
С цветной стрекозой на спине.
И кольца судьбы в деревянном колодце
Негромко звенят в глубине.
Там пахнет полынью медово и горько
От пыльной и теплой земли.
И солнце встает за ближайшим пригорком
А не в космодромной дали.
Там вечностью веет от крыл комариных,
От ветра мгновенного смол,
От шлепанья на землю спелой малины
И тихого рвения пчел.

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.
Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.
Аркадия. пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.
Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.
Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.
Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,
Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстянками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

YXA

Как строится рыбацкая уха —
То хлебово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?
В янтарных звездах

благовест с дымком —

Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану.
Скрестили ноги, вперили глаза,
И нет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тещ двадцатого столетья.
Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.
Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканьем в болоте журавлей
За рыжими от солнца тростниками.
Кувшинки вздох белее снега гор.
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор,
Над всем вокруг встающий вертикально.
Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука.

* * *

В моей деревянной России
Орут петухи да ветра,
Да с дудочкой дядя Василий,
Как леший, сидит у костра.
Один с этим небом безгрешным,
Один с этой чащей лесной,
Да с дудочкой этой потешной,
Жалейкой — смешной стариной.
Жалеет печально жалейка
Широкое поле и луг.
Знать, жизнь для нее — не копейка,
А горя и радостей круг,
Который как будто кропилом,
Слепящим на тысячу лет,
Ни много ни мало — светилом
Очерчен самим на земле.
Костра языкатые всплески
То гаснут, то снова встают.
В них пламя Смоленска и Бреста
И мая лазурный салют.
Чужие края и столицы
Как будто в рассказанном сне.
А больше все рожь да пшеница
Встают и струятся в огне.
А больше дожди да метели,
Дороги с темна до темна,
Да тени в избе-колыбели,
Да пот — тяжелее зерна.
Где пламя, где жизнь — не отринешь.

Над тихой излучкой речной
Без жалости и без гордыни
Костер догорает ночной.
Играет жалейка. А рядом,
На темном лугу, в ивняках,
Звенит колокольцами стадо
И мчится куда-то река..

* * *

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.
Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.
Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.
Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.
И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

А с вами не бывает так?
По вечерам, перед закатом,
Ты застываешь просто так,
Не грустью — мыслью вдруг объятый.
Здесь край земли. Вот край зари,
Рукою можно дотянуться,
Как сигарету прикурить,
Как шаг шагнуть — и не вернуться.
Лес да заря. А за спиной
Все, что словами не опишешь, —
Дорог тяжелый гром земной
И городов несчетных крыши.
Все позади. А здесь вот край.
Край неба, леса край и поля.
Оглядывайся. Выбирай.
Но ничего не будет боле
Новей того, что позади.
А хочешь, все начни сначала,
Пока не встанет впереди
Край неба алый...

Леоиду Марынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там остаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки Нет!
След души их живой и пламенной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,
Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый,
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли,
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник.
Гасит пламя костров в становье.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся на юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым,
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый...

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

Еще в городах миллионных
Дома не проснулись пока,
И только одни батальоны
Выходят под знамя полка.
Дымки над Россией косые
Уже завились без числа —
В деревнях и селах России
Ждут праздник еще досветла.
Березовым жаром до края
Наполнены печи подряд.
Хозяйки, как будто играя,
Ухватами тихо гремят.
Их лица огни озаряют.
На лавках широких в квашнях
Негромкое тесто вздыхает,
И бражка бушует впотьмах.
Мужчины еще не проснулись,
Ребята бормочут во сне,
И звонко над реками улиц
Орут петухи в тишине.
За выгоном прибрано поле,
В дворах погуляла метла,
Отпарены в банях мозоли,
Намыты полы добела.
Ждут праздник светло и отрадно,
И в окнах горят горячей
Знамена рябин в палисадах
Широким огнем кумачей.

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.
Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.
А годы меняет земля, как обновы.
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.
Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крепа,
И темными стали с звездой обелиски.
Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах смешенье языков,
Под флагами наций ревут стадионы.
Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпреи, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.
Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ими оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы!..

...Не было ни маршей, ни речей,
Ни знамен, ни воинских парадов.
Был он — ослепивший свет очей —
День, в который ничего не надо.
Солнце было, были небеса,
Каторжная кончилась работа,
Та, что длилась будто без конца
И без роздыха четыре года.
И никто не вспоминал о ней,
Все мечтали только о грядущем —
В солнце ясном, в дождике идущем,
В рощах, в тишине, в игре теней.
Били в небо, гнали лошадей,
Плакали, на месте застывая..
Кончилась вторая мировая,
И никто не вспоминал о ней.

* * *

Живым поверка. Павшим слава.
Салютов гром и тишина.
Победу празднует держава,
Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как были ей равны когда-то
В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
Повсюду царствует она
В дворцах бетонных и стеклянных,
В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
Как много лет тому назад,
Не увидавшие Победы,
Со снимков в траурных багетах
На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие —
Со счастьем боль неупроорот.
Творец истории России —
Победу празднует народ.

* * *

Что может быть проще еще и сложнее
Дороги летящей и поля за нею,
Что может быть жестче еще и нежнее
Ладоней, что только себя не жалеют.

Зеленые звезды дрожат в поднебесье,
Большая Медведица зла и космата, \
Но луг соизмерен с кострами созвездий,
С зарею грядущей, с вчерашним закатом.

Как зеркало месяца, падает в травы
Коса — и цветы обжигает под корень.
И древняя жатва обходит державу
С зари до зари, как от моря до моря.

И женщина в ливне пшеничного света
Встает на носки, выпрямляя колени,
Одета в цвета негасимого лета
И им же раздета как бы на мгновенье.

Да песня займется, зовя и тревожа,
А в ней все про то же, что было и будет,
И нет ничего, и не сыщешь дороже
Весь мир повидавшим, все видевшим людям.

1971—1973

✱

РОВЕСНИКАМ

Опять придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, которые мне были как награда.
В них просто умереть,
Как в небеса взглянуть.
А жить не просто,
Если жить как надо.
Я думал там,
Когда домой вернусь,
Забуду их и все начну сначала.
Поверю в радость,
Тишину и грусть.
И будет мне,
Как прежде, горя мало.
Но вновь придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, как поле снежное с колючкой ржавой.
Люк закрываю,
Выбираю путь.
И никакого дела нет до славы.
Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа,
И станем пылью?
Что травы — да.

Что станем — тоже да.
Но в нас витал
Свободы грозный гений.
Мы шли освобождая города
И поднимая нации с коленей.
...За пятьдесят товарищам моим.
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами ее
Они вершили.
Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквадратно на двухверстках,
Коричневая, желтая и зеленая,
Им во владенье отдана
По горсткам.
Что горсть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом,
И летний полдень ясен и высок,
Листва шумна,
И птицы свищут с веток.
Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам по двадцать.
Она, как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут нарождаться...

* * *

О, русская земля, ты уже за холмами еси!

«Слово о полку Игореве»

Всю ночь за лесом где-то шла гроза.
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.
Возле дороги в травах и лозе,
Раскинув руки, ниц упав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей.
Полк отвели на переформировку.
Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.
Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то.
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.
Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходящей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.
А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза

Друзей погибших молодые лица,
Была душа тревогою полна,
Забытые сильней болели раны,
И вспыхивала белая стена,
Печатавшая перекрестье рамы.
На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели испугнутые птицы,
А я один, я без оружия, стар.
И даже пальцем не пошевелиться...

* * *

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне, — с кем бы пошел в разведку? —
А думать надо: кто с тобой пойдет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед...

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато:
— С кем я пошел бы? — молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед...

* * *

Что было, то было. И все же
Забылось, быльем поросло.
Быльем, ни на что не похожим,
Ко мне обернувшимся зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты.
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только неожиданно зальется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому, в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

НА СЕВЕРЕ

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша каменья.
Алели долго на груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.
Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало,
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.
А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.
Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор.
И вот, как будто не было и было,
Звенит топор, пытит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.
Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны.
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна.
Лениво над рекой звенит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея.

В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц и светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегся в травы ветер.

* * *

За рекой-рекою в зареке,
Возле самого села,
Под вечер и в утра зареве
Песня запросто жила.

Неожиданно запетая
Миг назад, а может, век,
Словно дождь весенний, светлая,
Легкая, как первый снег.

Словно конь буланый в яблоках
На лугу в тени берез,
В радуге она жила-была,
В перезвоне ранних рос.

Я за ней ходил, обхаживал,
Услыхав издавека,
Знал и помнил слово каждое,
Да не выдалась строка.

Пролетела беззаветная,
И теперь сквозь все года
Не забуду песню эту я
И не вспомню никогда.

БЕЛОЗЕРСК

В июне 1972 года праздновали
1110 лет Белозерску

С размаху ахал барабан,
Труба пронзительно дудела.
У городка была судьба,
И в ней, как видно, было дело.
Судьба.
Одиннадцать веков.
Считай, не сосчитаешь годы,
Как цокот воинских подков,
И скрип телег неблагородный.
На свете не было Москвы
С ее державными делами,
А он уже «ходил на вы»,
Светил по свету куполами.
С его районной тишиной
Никто не станет нынче спорить.
Но, деревянный и льняной,
Он помнит тысячу историй.
Поет оркестр, кумач зовет,—
Как видно, не отшибло память.
Неунывающий народ
Идет, как в сказке, сам с усами.
Букеты синих васильков
Цветут на площади, как в поле.
Глядят одиннадцать веков
Вниз с уцелевших колоколен,
На огородов сизый дым,
На город в крапинках ремонта
И щит серебряный над ним —
На озеро до горизонта.

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом,
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.
Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.
Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.
Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугой-дугой
Тонконогие гнулись кони.
Перезванивали стремена,
Пела в облаке птаха где-то.
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.
Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе.
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.
И стоял я, видя не храм,
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.

Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях.
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

МОНОЛОГ ВОИНА С ПОЛЯ КУЛИКОВА

...Лежат князи Белозерски, вкупе побиены суть...

Сказание о Мамаевом побоище

Их четырнадцать было князей
белозерских,

Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нету только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту.
А для нас это дело чести.
Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас наткнется погоня,
Ну а мы отступить не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамаея качнется,
Как мы ляжем костями на поле,—
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые навзлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в далях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти —
«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мережились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»
— Там, где сошлись и небо и вода.

ТВОЯ СУДЬБА

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет.
А как там быть могло иначе?
Не перестать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок,
Закон — как их не обозначьте —
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь.
Весь, до былинки, до крупички...
Все чутче вслушиваюсь в речь.
Все четче вглядываюсь в лица.

Что в мире слаще истин прописных?
Вы приглядитесь, убедитесь сами,
Как их жуют, разжевывают их,
Аж треск стоит по свету за ушами.
Я тоже от других не отстаю,
Как булочку поджаристую с хрустом
Разламываю, в рот сую, жую.
А вкусно ли? Да, чтоб ей было пусто,—
Преснятина. А в чем же соль была?
Известно всем, что дважды два — четыре,
Но первому, кто это вывел в мире,
Какая радость разум обожгла?!
Ее встречали не в колокола.
Вы вспомните хотя бы про картошку:
Губернии пороли в шомпола,
Но все-таки внедрили понемножку.
Живем не тужим, истины жуем.
Но чтобы соль не пропадала в мире,
Тут надо хоть однажды на своем
Встать, настоять, что дважды два — четыре...

* * *

В книгу судеб не внесена,
Летописцами не отмечена
Мать, невеста или жена,
А в сказаньях и песнях — женщина.
Бьют ее за то, что мягка,
Что добра, что глаза как блюда,
Но она одна на века
Государства и революции.
Не звезда горит, не свеча —
Очи вздрагивают, опущены,
И младенец спит у плеча —
Мать Ульянова, няня Пушкина,
Как рука с ним сопряжена,
Нет на свете дороже брмени,
Вот несет его в мир она
В бури века и грозы времени.
Страху нет и безверья нет,
Проливается сквозь метели
Милосердия горный свет
Над землей, как над колыбелью.

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.
Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.
Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом,
Молодой появился Икар
И крылатый.
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой,
Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал —
Встаньте, люди!
Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.
Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.

Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,
Раб. Фракиец. Икар
Умирал человеком крылатым.
Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу.
— Сможет все человек,
Став крылатым однажды...—
А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

* * *

Доколе терпеть сии муки?
До самых смерти, Марковна.
Ино побредем еще...

Протопоп Аввакум

Ах, этот протопоп опальный,
Фанатик, еретик, крикун,
Известный на Руси скандально,—
Ну да, конечно, Аввакум.
Чего достиг он обличеньем
И потрясением основ,
Путем бессмысленных речений
При помощи никчемных слов?
И нищ и наг, гоним по свету,
Взывая к совести, ну в ком
Он пробудил ее при этом
У тех, кто был его врагом?
И кто раскаивался в мерзкой
Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
Когда он в яме в Пустозерске
Костями кстил земных владык.
И нет иных, и те далече.
Но что бы стало, если б вдруг
Они его прониклись речью
И все покаялись вокруг?
Случись такое, словно в сказке,
В какой лишь правда и права,
Давно пропали б без огласки,
Как без нужды его слова.
А так из уст в уста и книги
Все будут, ложь пока жива,

Грохочущие, как вериги,
Звучать скандальные слова.
И даже эти с тихой болью,
Но не сравнимые ни с чем
— Терпеть мучения доколе?
— И — ино побредем еще...

САРЬЯН

Не о чужих заморских странах,
Им всем привет, всем исполать!
Я об Армении Сарьяна,
Где мне случилось побывать.
Там в деревянном мезонине
Сидит седой старик в углу,
Стоит картина на картине,
Лежат картины на полу.
Пчела по комнате летает,
Слегка кружится голова,
То красная, то золотая
Земля, и синь, и синева.
И я меж них, как бы по тропке,
На эти глядя чудеса,
Иду внимательно и робко,
Чтоб не сорваться в небеса.
В туманном граде Ленинграде,
Когда на выставках бывал,
Я, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.
И вдруг армянская столица
И за окошком Арарат.
В картину можно оступиться,
И будешь сам себе не рад.
Прощай, искусства и науки,
Меня сгубила бирюза...
Большие плотницкие руки,
Прямые цепкие глаза
Что знал я раньше о Сарьяне?

Ко мне неторопливо встал,
Весь солнцем обожжен, крестьянин
Среди своих долин и скал.
И стало все легко и просто,
Здесь не библейские поля —
Его сады, озера, звезды,
Им сотворенная земля.
Трудился рук не покладая,
Был у него на это срок,
И так же в этот час, когда я
К нему переступил порог,
Уже уверен без опаски,
Что правда все, а не обман,
Как мир, в котором брал он краски,
Художник Мартирос Сарьян.

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики,
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег,
И добрый хлеб становится политикой,
Когда его хватает не для всех.

Но над земли релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет,
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.

* * *

Идея. Правда. Мысль или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычно жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.
Соседи спорят, радио кричит,
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи
И нет пути среди дорог избитых.
Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.
В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города
И шли стада по желтому откосу.
А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.
А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, нежданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.
О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о ней труба кричала.

Как юн и крепок этот вечный хмель —
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

* * *

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на пашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь как целый белый свет
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и сдал билеты.

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.
Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки,
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.
Не будет прозрачного утра в печали
И в радости, или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.
Под облаком птица летит в беспредельность
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.
Мне грустно, но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.
Метет он незримый, но видимый взору,
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы,—
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

* * *

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог.
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок,
Я принимал врага за друга
И ошибался сколько мог.

Ни перед кем не виноватый.
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом бородатый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

1974—1975

— * —

* * *

Памяти Ярослава Смелякова

О нем уже не скажут плохо.
Нельзя, обычай не велит.
Ушла, ну, скажем, не эпоха,
Им срок сегодня не велик.

А скажем проще — странствий муза
С кленовой дудкою в руке.
В казенном ватнике кургузом
И в новомодном пиджаке.

Ее запомнят и забудут
И вновь откроют, как звезду.
Она была собою всюду.
Хлебая славу и беду.

В ней жарко красный лозунг дышит
О пролетариях всех стран,
И нежный цвет забытых вишен
С нее слетал к ночным кострам.

И строки, словно из мороза
Из тающего серебра.
Звения ложатся, жгут, как слезы
Существования добра.

Ах, Ярослав Васильич, милый,
Товарищ, Яра, Ярослав!

На Новодевичьем могила
Уже травой заросла.

А в достославном ЦеДееле
Дни календарные летят.
И там, где с вами мы сидели,
Иные гении шумят.

И так, бывает, станет тошно,
Что лишь один спасает вдруг
В грядущей дали невозможной
Твоей кленовой дудки звук...

* * *

Знаю я, что в мае, в сорок пятом,
Выиграв великую войну,
Маршалы завидуют солдатам,
Шедшим пешим ходом с автоматом
До победы через всю страну.
Через всю Европу до рейхстага
Шедшим, совершая чудеса,
Как поется в песне, шагом, шагом
Через реки, горы и леса.
И недаром, загрустив, недаром
В тишине сосновой под Москвой,
Проверяя гранки мемуаров,
Маршалы последней мировой
Знают — нету на войне сражений.
Знают — есть солдатский крестный путь,
Чернозем и глина по колени,
Снег по пояс и вода по грудь.
Все охваты, клинья, контрудары,
Трижды свят, сам черт ему не брат,
Совершил бессмертный, легендарный —
Никуда не денешься — солдат.

МГА

Ах, какой мы штурмом взяли город
На заре морозной в январе!
В нем сирень клубится, а не порох,
Дети в каждом доме и дворе.

Год мы этот город штурмом брали.
Над болотом с черною водой
Танки шли, горели, догорали,
Столбики вставали со звездой.

Музыка играет на вокзале,
В парке птицы на ветвях свистят,
Девушки с зелеными глазами
Пьют в кафе стеклянном лимонад.

Полк однажды вновь завел моторы.
За колонной хлынули ветра.
В рост, не нагибаясь, шли саперы
Там, где был передний край вчера.

Людям стало жарко на морозе.
Стлали гати, ставили мосты,
И гармошка драная в обозе
Жала на басы до хрипоты.

В окнах тыща солнц встает с рассвета,
Улицы веселия полны,
Он красив и молод, как планета,
Никогда не знавшая войны.

Белый город с небосводом синим.
От позиций наших в давний год
Пять минут всего, пожалуй, ныне
Электричка до него идет.

Полк моторы заглушил, как умер.
Нам открылся город на заре.
Лишь стучал штабной морзянки зуммер
На заре вечерней в январе.

Ничего. Ни дома и ни дыма.
Ни души в округе. Падал снег
Медленно, бесшумно, нелюдимо...
День кончался, начинался век.

* * *

Памяти Г. К. Жукова

Умер маршал. Нет, не умер маршал,
А навек вернулся в строй полков.
Тех полков, что под Москвою с марша
В бой уходят в пламени снегов.

С ним его бессмертные солдаты.
Дождь прошел высокий, как штыки,
Под Берлином в мае, в сорок пятом,—
Как они сегодня вдруг близки!

И опять, как в памятное лето,
Небеса июньские чисты.
Сняты с орудийного лафета
Медленно тяжелые цветы.

Полдень двадцать первого июня.
С музыкой неожиданной марш-броска
Мимо угасающих петуний
Движутся стремительно войска.

Может быть, успеют до рассвета.
Знаю я, они успеть должны.
Крутится стремительно планета.
Умер маршал мировой войны.

* * *

Когда это будет, не знаю,
В краю белоногих берез
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слез.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду,
Что было девятого мая
С утра в сорок пятом году.

* * *

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светят. И по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.
Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокий тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.
Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет.
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.
Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.
И все плывет вода, и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль. Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.
Зеленые и вянувшие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,
Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды.
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондарев

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой.
И словно бы гигантская дуга
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы
Перуна в небе росчерк беззаботный.

ГАРСИА ЛОРКА

Художнику Андрею Мыльникову

Он убит и зарыт
При дороге в Гренаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.
Лишь колючки растут,
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд.
Совершается праведный суд
И не скорый.
Неизвестно деревни название,
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было совершено это дело.
Даже имя давно
Там на родине забыто,
И молчит она. Но
И молчит потому, что убит он.
Лишь колючки растут,
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд
Совершается праведный суд
И не скорый.
Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко.
Поднимаются горы
В молчанье великом.

И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

* * *

Стерпится-слюбится, все позабудется.
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы,
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется,
Белый, как сказано, свет,
Это давнишняя старая мельница.
Ну а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь.
Что там меж звездами может увидеться?
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся,
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижиг?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

* * *

Крутится, вертится шар голубой —
Глупая песенка из позабытых.
Вслед за охрипшей военной трубой
Рушатся в степи, как ливень, копыта.

Танковых армий натруженный рев.
В небе атаки стремительный росчерк.
В красные, синие крыши домов
С бомбовым свистом вбит пикировщик.

В шахтах тела маслянистых ракет.
Лампы компьютеров в дрожи экрана.
Памяти нет. Памяти нет
У равнодушия. Это ль не странно?

Памяти нету. И времени нет.
Гитлера танки, клинки Тамерлана
Или из космоса хлынувший свет?
Нам-то не все ли равно, как ни гляну?

Крутится, вертится шар голубой —
Глупая песенка так уж глупа ли?..
Нам лишь на это надежда с тобой,
Как наши предки на то уповали.

* * *

Летят на юг под небом птицы,
Как будто их несут ветра.
В осеннем парке дым струится
И пламя плещется костра.

Аллеи тихие пустынные,
Пруды листвою занесены,
Красны высокие рябины,
Поля далекие черны.

Поедем в пригород недалекий
На вернисаж живых картин
Раздумий грусти и печали
Без объяснения причин.

Автобус станции конечной
Упрется в синий небосклон.
Горят березы, словно свечи,
Там, как на стыке двух времен.

Там в вышине звучит прощанье
Птиц перелетных над землей,
Там горький запах увяданья
Смешался с дымом и золой.

И обнаженные просторы
Пусты, как белые холсты,
И краткий день щемяще дорог,
Как свет упавший с высоты.

СОДЕРЖАНИЕ

1938—1940

«Есплошную голубым узором...»	9
Тыква	10
В огороде	11

1941—1945

«Как на родине? Осень...»	12
Осень	14
«В танке холодно и тесно...»	15
Ксстер	17
На ночлеге	18
«Погадай мне в этот вечер...»	19
Землянка	20
О счастье	21
Карбусель	22
Это было 19 марта 1943 года	23
Перед наступлением	24
Отдых	25
«Ходят тучи сизые до злости...»	26
Песенка	27
Пыль	28
«Ночь бела, закат идет в рассвет...»	29
Смотровая щель	30
Кукушка	31
«Жил на свете, не скучал...»	32
Дружба	33
После марша	34

«Тополь встанет молодой...»	35
«Потомок наш о нас еще вспомнит...»	36
Прощанье с землянкой	37
Танки в Новгороде	38
«Поутру, по огненному знаку...»	39
«Идут солдаты, от сапог...»	40
«Его зарыли в шар земной...»	41
Перед порогом	42
«Пароход покричал, покричал...»	43
«У той березки, где с тобой...»	44
Колодезный журавль	45
Поезд	46
«Всю Вселенную проехав с боем...»	47
«Вот человек — он искалечен...»	48
«Дымок — дыхание костра...»	49
После боя	50
«А мы такую книгу прочитали...»	51
«Руками, огрубевшими от стали...»	52
«Жить от атаки до атаки...»	54
«Облако за месяц зацепилось...»	55
Белозерье	56
«Светлый север, лес дремучий...»	57
«На городском валу заплачу...»	58
«Зима несет в серебряной пыли...»	59

1946—1948

Дергач	60
Станция «Валя»	61
Бакенщик	62
Старый буксир	63
«В пустых землянках...»	64
«Болотный вереск на крови цветет...»	65
«Человека осаждают сны...»	66

«Как стога, стоят снега...»	67
На привале	69
«Да, не поле перейти...»	70
У сгоревшего танка	71
Ночью	72
«У огня своя архитектура...»	73
Сталинград	74
«А мне, пожалуй, ничего не надо...»	75

1949—1953

Песня	76
«Ты любовь не зови...»	78
Суслик	79
Тишина	80
Экзамен	81
В кино	83
Гвардейское знамя	85
«Приснилось мне жаркое лето...»	86
9 мая 1945 года	88
«Рыжий дождик бегал с ветром...»	90

1954—1958

«Человеку холодно без песни...»	91
«Свет звезд идет к Земле годами...»	92
Первая годовщина	94
«Жизнь, по пословице, не поле...»	96
Родина	97
Встреча в Париже	99
«Над тихими столицами районов...»	102
«Над пирогами и борщом...»	103
Шестнадцать лет тому назад	104
«На Большом Гнездиновском...»	106
«Голос первой любви моей...»	108

«Витька, Коля, Саша и Петро...»	109
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	111
Железная дорога	112

1959—1961

«Кто же первый сказал мне...»	114
Вечер стихов в колхозе	115
Кружка молока	117
Свежий хлеб	119
Мытье полов	121
Щи	122
У костра	124
Две дали	126
Дионисий	128
Побывальщина	130
Петр Великий в Вологде	132
«Две крутых соболинки...»	134
«Над полированной рекой асфальта...»	135
«Все, говорят, на свете образуется...»	136
Алешенька	138
Сорок лет	139
«Уходит в небо с песней полк...»	141
Хлеб привезли	143
«Я много слышу о народе...»	145
«Как трудно делалась история...»	146
Одна любовь. (Поэма)	147

1962—1964

«Кто был изобретатель колеса?...»	164
Второй	165
«Далекое становится все ближе...»	167
«И Русь не та, и русские не те...»	168

Невская Дубровка	169
«Я давно увидел в первый раз...»	171
Хлеб	172
Приглашение	173
На Волго-Балте	175
«А кто такой Бартоломей Диас?...»	177
Ода дураку	179
Мой лейтенант	181
«Не считал я закаты...»	184

1965—1966

«Начало лета...»	185
«Дни стали вдруг похожи на пластинки...»	187
«Куда уходят годы?...»	188
«Давно всему известно свету...»	189
«Я стану облаком, зарей...»	190
Песня о мамонте	191
Птица Сирин	194
В Западной Европе	195
Два монолога	197
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	200
«У ракетной переправы...»	201
«Уходит женщина...»	203
В автобусе	204
Взгляд в историю	206
«Это было все-таки со мной...»	207
«Я на войне писал стихи украдкой...»	209
«Мы для костров рубили топором...»	210
«Не на западе — на востоке...»	211
«Меня страшат аэродромы...»	212
«Ракетами, как луг ракитами...»	213

1967—1970

«Хотел бы прямо, без обиняков...»	214
«Красный бархат и алый шелк...»	215
«Меня раздумья одолели...»	217
В электричке	218
«Опять на старую гляжу...»	219
«Что знаю я о мире и войне?...»	221
Баллада о парламенте	222
«Костры горели на снегу...»	224
«Самые отважные солдаты...»	225
«Были годы юны, были рыжи...»	226
История	227
Последние известия	228
«Всю жизнь куда-то далеко спеша...»	229
Две притчи	231
«Человеку очень много надо...»	233
Сказы о Дионисии	234
Пейзаж	242
Встреча космонавтов	243
«О беспокойство вечное умов!..»	245
Пилоты	246
«Мы, дети природы...»	249
«Вечернее мычание коров...»	250
Уха	252
«В моей деревянной России...»	253
«И я когда-нибудь, однажды...»	255
«А с вами не бывает так?...»	256
«Небо лесом огорожено...»	257
«Говорил мне старый поэт...»	258
Перед праздником	260
«Стоят в европейских державах...»	261
«...Не было ни маршей, ни речей...»	262
«Живым поверка. Павшим слава...»	263
«Что может быть проще...»	264

1971—1973

Ровесникам	265
«Всю ночь за лесом...»	267
«Мы говорим, задумываясь редко...»	269
«Что было, то было...»	270
«Конь плакал...»	271
На севере	272
«За рекой-рекою...»	274
Белозерск	275
Старая фреска	276
Монолог воина с поля Куликова	278
На Белом озере	279
Твоя судьба	281
«Что в мире слаще истин...»	282
«В книгу судеб не внесена...»	283
Икар и Дедал	284
«Ах, этот протопоп опальный...»	286
Сарьян	288
«Весь шар земной устал...»	290
«Идея. Правда. Мысль или Мечта...»	292
«В каменной, стальной глуши...»	294
«Мне грустно...»	295
«Узнал я, право где и лево...»	296

1974—1975

«О нем уже не скажут плохо...»	297
«Знаю я, что в мае, в сорок пятом...»	299
Мга	300
«Умер маршал...»	302
«Когда это будет, не знаю...»	303

1976—1977

«Мне нынче снится край родной ночью...»	304
На Шексне	305
Гарсиа Лорка	306
«Стерпится — слюбится...»	308
«Крутится, вертится шар голубой...»	309
Прощание с летом	310
«Летят на юг под небом птицы...»	311